

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР БАШИБУЗУК
ОРАНЖЕВАЯ СТРАНА.
ФЕЛЬДКОРНЕТ

Оранжевая страна

Александр Башибузук

Оранжевая страна. Фельдкорнет

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Башибузук А.

Оранжевая страна. Фельдкорнет / А. Башибузук — «АЛЬФА-КНИГА», 2016 — (Оранжевая страна)

На рубеже веков две маленькие бурские республики вступили в жестокую борьбу с могучей Британской империей. Казалось бы, все уже predetermined: силы неравны и даже отчаянный героизм буров не может спасти положение. Но в дело вступает совершенно неожиданный фактор – обыкновенный мичман Краснознаменного Тихоокеанского флота России Михаил Орлов, волей судьбы закинутый в Южную Африку из двадцать первого века. Он реально оценивает свои силы и знания, к тому же считает, что это не его война, но череда событий в буквальном смысле заставляет мичмана вступить в дело. И все встает с ног на голову...

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Башибузук А., 2016

© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Башибузук

Оранжевая страна. Фельдкорнет

Я понимаю, команданте Господь, что Ты на меня обижен, если допустил такой произвол в отношении раба Твоего, но, пожалуйста, смилуйся и сделай так, чтобы, когда я открыл глаза, вокруг торчали небоскребы, а воздух пах отработанными газами автомобилей.

Аминь...

Молитва попаданца

Пролог

Кейптаун

17 февраля 2014 года

– Действительно полный аутентик? – Молодой парень спортивного телосложения провел рукой по боковой панели очень старинного на вид фотоаппарата, стоявшего на треноге посреди фотостудии, до предела захламленной разным историческим реквизитом.

– Молодой человек, ви посмотрите сюда... – Фотограф, маленький подвижный старичок в старомодном пенсне на горбатом носу, ткнул пальцем в бронзовую табличку на боку фотоаппарата, – это же изделие фабрики Ройтенберга, такого другого на всем белом свете уже не найдешь. Так что не сомневайтесь и переодевайтесь. У меня уже созрел в голове сюжет гениальной композиции.

Молоденькая улыбающаяся негритянка подкатила небольшую тележку, нагруженную одеждой, поверх которой лежала португеза с внушительной кобурой.

– Ух ты... – Парень ловко вытащил револьвер из кобуры. – Да это же «смит-вессон»! Надо же, практически новый, даже воронение не стерлось. Настоящий?

– Конечно, настоящий! – самодовольно улыбнулся старичок. – Натан фуфла не держит – у меня все настоящее. Но вы таки будете переодеваться или нет?

– Хорошо, хорошо... – Парень, немного поколебавшись, вытащил из корзины высокие сапоги на толстой кожаной подошве. – Натан Львович, так каким образом вы оказались на этом краю географии? Право дело, как-то странно здесь увидеть человека, говорящего на русском языке.

– Миша, это очень странная и запутанная история, но, если вы хотите, я таки донесу ее до ваших ушей. Но уже после сеанса. Хотя давайте поговорим... – Старичок решительно отобрал у парня сапоги и вручил светлую блузу. – Сначала это. А ви здесь зачем, Михаил?

– В ссылке... – Парень весело улыбнулся. – А если серьезно, то мой дядя открыл здесь филиал своей компании и отправил любимого племянника на перевоспитание.

– Очень интересно... – Натан Львович увидел на спине у Миши красный, недавно затянувшийся рваный шрам. – Я так понял, причина вашей ссылки у вас на спине?

– Отчасти... – Парень быстро накинул блузу и, застегивая пуговицы, повернулся к фотографу. – Но эта история совсем не стоит вашего внимания. Костюм тоже из девятнадцатого века?

– Вы слишком хорошо обо мне думаете Михаил. Нет, конечно, но пошит он точно по историческим моделям. Очень хорошо! А теперь сапожки и все эти ремешки... Нет, ты смотри, вы таки похожи на дикого бура! А теперь прошу вот на этот стульчик. И винтовочку прихватите...

Фотограф усадил парня на изящный стул в викторианском стиле, поправил на нем широкополую шляпу и отбежал к фотоаппарату. Недолго повозился и взял в руки вспышку.

Что-то щелкнуло, кусочек магния неправдоподобно ярко вспыхнул, раздался сильный грохот, студию заволокло белым дымом – в котором почему-то проскочило несколько электрических разрядов.

Когда дым рассеялся, стул посередине студии оказался пуст. Фотограф подбежал к нему и, как будто желая обнаружить невидимку, несколько раз провел рукой над сиденьем. Затем обернулся к фотоаппарату и укоризненно поинтересовался:

– И шо? Ты таки опять взялся за свое? Ты хоть знаешь, чего мне стоило взять напрокат эти древние железки, а я ведь за прошлое железо еще не расплатился? Дождешься – выброшу на помойку. Джессика!!! Джессика, ты меня слышишь?

– Да, босс?.. – вбежала в студию негритянка.

– Если что, то к нам сегодня никто не заходил. Ты меня поняла?

– Конечно, босс...

Глава 1

*Где-то на границе Капской колонии и Оранжевой Республики
17 февраля 1900 года*

Кусочек магния на подставке ослепительно полыхнул, раздался оглушительный треск. Я невольно зажмурил глаза, а когда их открыл, то вместо Натана Львовича увидел здоровенный валун. Недоуменно скосил глаза вниз и разглядел, что валун торчит из пожухлой рыжей травы, а сам я сижу на камешке поменьше. Обернулся по сторонам, но ничего, кроме такой же травы и чахлого кустарника, не увидел. В безоблачном небе кругами летали большие птицы, удивительно напоминающие стервятников, а солнце жарило так, что я мгновенно взмок в своем архаичном френче.

– Да что за нахрен! – в голос выругался и попытался залезть на валун, чтобы получше рассмотреть окрестности и увидеть съемочную группу программы «Розыгрыш». – Поубиваю уродов! Если это Никита заказал – выпру на хрен с фирмы...

Залез – и понял, что нахожусь у подножия большого каменистого холма с горсткой чахлых пальм на верхушке. Вокруг расстилалась холмистая равнина, покрытая выгоревшей на солнце зеленью, а на горизонте хорошо просматривались довольно высокие горы. Операторов и прочего телевизионного люда категорически не было видно. Вообще *никого* не было видно. Мама...

Страшно захотелось пить, и я машинально схватился за большую кожаную флягу, висевшую на поясе среди прочего антиквариата. Встряхнул ее и со злостью бросил на землю. Какая, на хрен, вода?! Я же был в фотоателье! Ну, суки, сейчас я вам устрою салют...

К счастью, я оказался хорошо вооружен. В кобуре торчал классический револьвер «смит-вессон». Тот самый, который под 4.2-линейный русский патрон. Да еще довольно редкой офицерской модели – не одинарного, а двойного действия. Знаю, потому что у дядьки в коллекции есть именно такой, только немного худшей сохранности. Да и вообще, я оружием увлекаюсь с детства. Так, как он переламяется? Ага...

Пузатые патрончики с сочным чмоканьем стали перемещаться из кармашков на поясе в барабан. Сухо щелкнул взведенный курок. Я прицелился в нарезающих надо мной круги стервятников и нажал спусковой крючок... но выстрела не последовало. Выругался, упомянув всех родственников Смита и его подельника Вессона, но и это не помогло – впустую прощелкал весь барабан. Потом, перезарядив его, повторил процедуру, но тщетно – ни один из двенадцати патронов так и не выстрелил.

Вытащил зубами свинцовую пулю из гильзы и понял, что зря стараюсь. Гильзы оказались пустыми – порох напрочь отсутствовал. На этот раз матерился очень долго, упомянул, кроме оружейников, еще и клятого фотографа Натана Львовича, который, сволочь такая, не озаботился для пущей достоверности настоящими патронами.

Винтовка мне досталась классная – не винтовка, а настоящий раритетный слонобой. Если не ошибаюсь, системы Мартини-Генри. Однозарядная, но под могучий одноименный патрон калибра .577. Тоже великолепной сохранности, но оказалось, что воспользоваться ею я могу только в качестве дубины. Патроны присутствуют: целых тридцать штук в нагрудном патронташе, но, как вы уже догадались, – такие же пустышки, как и револьверные.

Правда, есть еще нож. Здоровенный, сталь благородно синеватая, клинок длинный, широкий и толстый, рукоять из рога антилопы, даже острый – словом, шикарный режик, но сигнала им не подашь. Разве что... А вот хрен его знает, что с ним делать?

Вот это попал так попал... И куда? Хотя в этом сомнения нет – однозначно Африка. Сам вчера такие пейзажи наблюдал во время экскурсии, которую мне устроило руководство

филиала. Но от этого понимания не легче. Что делать? На горку, что ли, залезть? Оттуда дальше видно, да и пальмы какую-никакую тень дают.

Вытащил для пущего сбережения собственной персоны тесак из ножен и полез на холм. Надо прятаться от солнца, а то скоро буду напоминать хорошо прожаренный бифштекс. Твою же мать...

Мысли в голове роились самые разные. Сначала думал, что надо мной подшутили. А что, вполне элементарно: пшикнули под нос какой-нибудь усыпляющей дрянью и вывезли на природу. Типа прикололись. Однако голова при пробуждении оказалась ясной, без всяких следов дурмана. Да и не в отключке я был, а в полной памяти и сознании сидел на камешке. Значит, сей вариант отпадает. Потом мне начало мерещиться всякое альтернативное попаданчество, но его я сразу прогнал из башки. Да, книжки читал, некоторые писатели вполне понятно и интересно излагают. Ну так это же фантастика! Извините, уважаемые, я в свое время доучился аж до четвертого курса университета, так что прошу ерундой мне мозги не пудрить. Правда, из сего учебного заведения меня успешно выперли и я пошел служить по контракту в армию, но это говорит не о невежестве, а скорее о моей дурусти. Короче – какое, на хрен, попаданчество?..

Умысел на ограбление и уничтожение моей персоны столь замысловатым способом как версия тоже сразу отпал. Я как бы не дурак, бумажник с документами, карточками и наличностью сунул перед фотосессией за пазуху. Вот он – в целости и сохранности. Мобилка и ключи от служебного «гелика» тоже в кармане. Тогда – что?

Тогда – розыгрыш. Не шутка, а именно розыгрыш. Фильм «Игра» смотрели? Так вот, все подобные истории являются чистой правдой, разве что с небольшим преувеличением. Контор, занимающихся розыгрышами, развелось не счесть, и делают они свое дело вполне профессионально – сам с друзьями в такие обращался. Но тогда мы невинно пошутили над Витькой Карнауховым. Может, и не очень невинно, но в пустыню его точно не вывозили...

Твою же керосинку в фитиль!!! Вовремя заметил здоровенного скорпиона и пришиб его каменюкой. Нет, это уже не смешно – во рту пересохло так, что скоро языком можно будет дерево полировать.

– Люди, мать вашу ети, вы где!!! – Из пересохшей глотки невольно вырвался дикий вопль.

Подождал секунду и со злости раздавил каблуком еще одного скорпиона. Громко трещат цикады, шелестит песчинками легкий ветерок – и всё – отвечать никто не собирается. Уроды, однозначно.

Пока добирался до вершины – едва не сдох от жажды. Жарко, мать его за ногу! По пути вспоминал армейские лекции по выживанию – но ничего толкового так и не вспомнил. Живности съедобной хватает – тот же скорпион за милую душу при нужде пойдет, но жрать я как раз не хочу, а кактусов, в которых якобы присутствует пригодная для питья водичка, как назло, пока не наблюдается. Я даже не уверен, что они вообще здесь есть.

Черт, полезная все-таки эта одежонка... Жарковато в ней, конечно, но представляю себе, что со мной уже было бы, окажись я здесь в футболке и бермудах. Особенно сапоги с высокими голенищами радуют – змеюк здесь до хрена и больше. Вон поползло очередное пресмыкающееся – и здоровущее, зараза! Так что в сапогах – самое то. Еще бы портянки где-нибудь раздобыть, а то в носочках как-то не комильфо...

Когда до вершины оставалось всего десяток метров, по ушам неожиданно стеганул винтовочный выстрел. И стреляли совсем недалеко – откуда-то с обратной стороны холма. И почти сразу же бабахнуло еще несколько раз, причем винтовочные выстрелы перемежались револьверными. Или пистолетными.

– Наконец-то!!! – Если это те уроды, которые так подшутили надо мной, то кому-то из них сейчас срочно понадобится к стоматологу, а то и вообще к челюстно-лицевому хирургу.

Ну, суки, держитесь! Я сразу воспрянул духом и, предвкушая справедливую расправу, мигом взлетел на вершину. Взлетел – и остолбенел от открывшейся мне картинке. Немудрено, впору вообще в обморок хлопнуться...

Метрах в тридцати от меня стоял накренившийся набок здоровенный тентованный фургон, украшенный грубо намалеванным на брезенте красным крестом. В фургон была впряжена шестерка быков... или волов – я в подобной животине особо не разбираюсь. Но это не самое удивительное...

Двое солдатиков в мундирах цвета хаки и пробковых шлемах грубо выбрасывали из фургона людей, перевязанных окровавленными бинтами; выбрасывали – и тут же на месте кололи их кавалерийскими пиками. Еще пара солдат удерживала яростно вырывающуюся женщину, одетую в белый балахон медицинской сестры. Пятый – офицер, его я опознал по султанчику на пробковом шлеме – гарцевал на караковом жеребце и залиvisto смеялся.

– Тьфу ты, сюрреализм какой-то... – Я чуть не перекрестился, пребывая едва ли не в полубморочном состоянии.

Нет, это явно не галлюцинация. А если не галлюцинация, то почему я наблюдаю картинку, как будто сошедшую с фильма про Первую мировую войну? Кавалеристы, сабли, пики, женщина в форме сестры милосердия девятнадцатого – а то и восемнадцатого века. Да и убивают они вполне серьезно. Вопли и стоны...

– Мама... – прошептал я и на всякий случай спрятался за ствол пальмы.

Офицер вскоре спешил, собственноручно добил из архаического маузера последнего раненого и, подойдя к женщине, фамильярно потрепал ее по щеке. А затем, видимо услышав в ответ что-то крайне обидное, наотмашь дал ей пощечину и что-то приказал солдатам. Те глумливо заржали и, перегнув женщину через слегу, стали привязывать к фургону.

«Эй, собаки, да что же вы делаете, уроды?..» – Я помотал головой, желая убедиться, что это все-таки не галюны, и выскользнул из#за пальмы.

Нет, так дело не пойдет. Всяко-разно на войне бывает, но медсестер насиловать – это последнее дело. Если надо – просто застрели, но зачем так издеваться? Сестрички божье дело делают, грех это – над ними изгаляться.

Сука, зарекался же никуда не встречать... но тут дело особенное, сам себя потом уважать не буду. Опять же надо как-то к людям выбираться и, как мне кажется, пообщаться по этому поводу лучше с сестрицей милосердия, чем с этими непонятными кавалеристами. Могут завалить – и как звать не спросят.

Стоп-стоп! Тьфу ты, какой идиотизм – ведь однозначно разыгрывают! Слишком уж нереальная картинка складывается. Хотя согласен, над сценарием хорошо поработали. Знаю, в таких проектах сначала психологи характер клиента просчитывают – варианты реакции и все такое. Вот и разработали конкретно под меня. Массовики-затейники, мля!

Ну, суки, если это все-таки розыгрыш, – поубиваю уродов! А вообще, планируете розыгрыш – сразу планируйте свои потери. Я по окончании представления тупо хохотать и хвататься за голову не собираюсь – первый же появившийся инициатор схлопочет прикладом по башке. Ну всё: кто не спрятался – я не виноват.

Солдатики полностью увлеклись предстоящим развлечением, и я совершенно незаметно подобрался почти вплотную. Перебежал за большой камень, перекрестился, выдохнул и, взяв свой револьвер за ствол, с размаху двинул рукояткой по башке прохаживающегося офицера. Не сдерживаясь двинул: с мстительным удовольствием. Небось денежки неплохие за актерство получит, значит, хватит и сотрясение башки залечить. Выдрал его маузер из кобуры и взвел курок. Да, буду стрелять – все равно патроны холостые.

Один из солдат, почуяв неладное, обернулся, и я сразу пальнул в него. Хлестнул выстрел, маузер брыкнулся в руке, а невысокий плотный мужичок с пышными бакенбардами очень натурально осел на землю, зажимая рану в груди. Сука, сколько же они денег за это шоу выложили? Даже просчитали, куда я могу выстрелить...

Солдатики разом развернулись, один из них попытался сорвать висевший за спиной карабин и немедленно получил пулю. Остальные дружно потянули руку в гору, но я останавливаться не собирался и выпустил в них остаток обоймы – а фуле: развлекаться так развлекаться! В записи-то мои геройства будут смотреться охренительно.

А потом мстительное удовлетворение сменилось леденящим ужасом.

– Да ну, на хрен?.. – Я отчетливо рассмотрел, как последнему кавалеристу пуля попала прямо в глаз, и сейчас под его головой на земле расплзалась темная, почти черная лужица.

Подбежал ко второму, перевернул его на спину и оторвал руки от груди. Твою же мать!!! В груди зияла дыра, в которой с каждым вздохом надувались и лопались кровавые пузыри. Перестали...

А этот? Тоже труп... И этот...

– Так это не розыгрыш? – Я бессильно привалился к валуну и ответил сам себе: – Да какой там, на хрен, розыгрыш...

Вокруг валялось с десяток трупов, из которых я сам отправил на тот свет четверых. М#да – слишком кровавое представление получается... Так не бывает. Нет, меня вид мертвецов совсем не шокирует: пришлось в свое время насмотреться. Меня удручает сама ситуация...

Стоп! Один должен быть живым. Метнулся к офицеру... и с досады до крови закусил губу. Совсем еще молодой лейтенант уже бился в предсмертных конвульсиях – судя по всему, я сдуру проломил ему череп...

Сумбурность мелькавших в голове мыслей стала напоминать форменное сумасшествие. Да как же так? Это получается, меня действительно закинуло в прошлое? Если я не свихнулся, то окружающая меня реальность очень напоминает один из эпизодов англо-бургской войны. Кавалеристы: судя по всему, британцы – это они первыми ввели цвет хаки в обиход. Опять же пробковые шлемы. И оружие того времени...

– Не могли бы вы мне помочь, сударь? – позади меня прозвучал женский голос.

Говорили на чистейшем русском языке. Впрочем, фразу сразу перевели на немецкий, а затем на французский языки. Такой музыкальный, грудной голосок – скорее девичий, чем женский. Правда, с явными истерическими нотками.

Я обернулся и уставился на весьма аппетитную женскую попку, обтянутую длинными кружевными панталонами.

Девушка, почувствовав взгляд, истошно взвизгнула:

– Не смотрите сюда!!!

– Извините, девушка, а как я вам помогу, если вы запрещаете на вас смотреть? На ощупь? – резонно поинтересовался я и на всякий случай совсем отвернулся.

Грядущее сумасшествие немного отодвинулось. Дурень, а про сестричку-то я совсем и забыл. Сейчас все станет ясно...

– Вы русский? – изумленно воскликнула девушка. – Откуда вы здесь?

– Позвольте о том же самом поинтересоваться у вас... мад... сударыня.

– Может, для начала все же развяжете меня? – нетерпеливо притопнула девушка ножкой в высоком шнурованном башмачке.

– Извольте... – Я быстро перерезал веревки своим страхолюдным тесаком.

Девушка выпрямилась, мазнула по мне заинтересованным взглядом и принялась лихо радочно одеваться. А я, став вполоборота, украдкой ее рассматривал.

Русые длинные волосы заплетены в толстую косу и уложены хитрым бубликом на голове, личико красивое, можно сказать даже – изящное, весьма породистое, но, кажется, немного своенравное или капризное... не великий я физиономист, чтобы в таких нюансах разбираться. И фигурка ничего: крепенькая, но стройная и ладная – я успел ее рассмотреть еще тогда, когда девушка «красовалась» в одних панталонах и разорванном бюстье.

Незнакомка надела балахон, стянула его трофейным ремнем, пригладила растрепавшиеся волосы и... неожиданно взвизгнув, стала яростно пинать солдатские трупы. А потом, изящно скорректировав свое положение в пространстве, хлопнулась в обморок, умудрившись шлепнуться прямо мне в руки. Ничего себе артистизм...

Впрочем, обморок продолжался недолго. Веки на громадных, немного раскосых глазах дрогнули, из-под них скатилась по щечке одинокая слезинка, носик легонечко шмыгнул, а девушка заинтересованно прошептала:

– Какой приятный у вас одеколон... «Брокар»?

– Нет, «Диор»... – пребывая в непонятной растерянности, машинально ответил я.

– А#а... – Незнакомка широко раскрыла глаза, немного помедлила, а потом неожиданно забарабанила кулачками по моей груди и возмущенно воскликнула: – Да что вы себе позволяете? Немедленно отпустите меня!!!

– Извольте...

Девушка отскочила, оправила свой балахончик, сделала шаг вперед и присела в книксене:

– Елизавета Григорьевна Чичагова.

– Михаил Александрович Орлов. – Я автоматически представился и, желая до конца прояснить для себя ситуацию, поинтересовался: – Не будете ли вы так любезны сообщить мне сегодняшнее число?

– Конечно: сегодня семнадцатое февраля... – ответила девушка и, заметив мой недоуменный взгляд, добавила: – Семнадцатое февраля одна тысяча девятисотого года.

Антракт...

Глава 2

*Где-то на границе Капской колонии и Оранжевой Республики
17 февраля 1900 года*

– И как вы, Елизавета Григорьевна, здесь оказались? – Я наклонился и стянул португую с очередного трупа.

– А вы, Михаил Александрович? – Девушка сидела на облучке фургона и пыталась заштопать свой балахон.

– Я... – немного замешкался, – не вправе вам это сказать.

А что я скажу? «Здрасьте, я из двадцать первого века?..» – Не поймут, а по прибытии в расположение ближайшего подразделения набожные буры очень легко поставят меня к стенке. А то и вообще спалят под пение псалмов. Может, я сгущаю краски, но как-то не тянет меня экспериментировать. Вот поосмотрюсь, а потом уже приму решение.

Для меня уже давно все стало ясно. Какая-то злая сила зафитилила Михаила Александровича Орлова, то есть меня, в девятнадцатый век. В самый его конец, да еще с особой извращенностью поместила в самый разгар второй англо-бурской войны. Каким образом? Даже задумываться не хочу – все равно не пойму, и принимаю как данность. Истерить тоже не собираюсь: захочет провидение – вернет обратно, а пока придется прикинуться ветошью – то есть попробовать ассимилироваться и выжить. Что будет весьма нелегко – в войне как раз наметился решительный перелом: бритты опомнились от первых плюх и, пользуясь значительным перевесом, начали теснить объединенные войска Оранжевой Республики и Трансвааля. И если я не ошибаюсь, пару-тройку дней назад английские войска под предводительством генерала Френча сняли бурскую осаду с города Кимберли. Да, именно того генерала, именем которого назван сюртук, который сейчас на мне. Откуда я знаю? Все очень просто, я в свое время, в университете, готовил курсовую работу по теме англо-бурских войн. Много, конечно, забыл, но суть в голове так и осталась. Да и вообще, только полные неучи могут не знать про то, что англы в конце концов победили буров. А я не неуч, а вполне себе образованный мичман Тихоокеанского флота Российского ВМФ. Правда, в отставке...

Стоп, попробую вкратце обрисовать свою биографию. Для начала – здрастье. Мне двадцать шесть лет – мужчина в самом расцвете сил. За спиной обычное детство сына военного офицера. Постоянные переезды, разные военные городки, порой совсем на краю географии. Что еще? Занятия спортом, вполне неплохая успеваемость. Затем срочная служба на Тихоокеанском флоте – в отряде водолазов-разведчиков. Дембельнулся и поступил в университет, став к тому времени полной сиротой. Матушка и батя погибли в автокатастрофе. Впрочем, один родственник у меня остался – брат отца, вполне такой себе обычный олигарх российского масштаба. Дядька мировой, сам бывший военный, вовремя ставший коммерсантом. Мы с ним остались одни на этом свете – своих родных он тоже потерял. Он в мою жизнь не вмешивался, тактично помогал, даже не стал протестовать, когда мне взбрело в голову бросить университет и вернуться в армию. Да, были у меня в свое время непонятные завихрения в голове. Вернулся в свою прежнюю часть, но уже по контракту. Служил вроде неплохо, отмечен, так сказать, наградами, подписал второй контракт, немного пострадал во время... короче, это совсем не интересно. Интересно то, что после того как я выздоровел, меня в принудительном порядке отправили на пенсию по состоянию здоровья. Протесты не помогли, и я понял, что ко всему этому беспределу приложил свою руку дядька Витька. Истерик ему я устраивать не стал, просто простил и понял. К этому времени мое мировоззрение немного поменялось, и я принял дядькино предложение: поработать в его фирме. Правда, от теплого местечка в столице отказался и напросился в новообразованный африканский филиал. Вот как бы и все. Стоп! Я не женат и детишками соответственно не обяза-

велся. Теперь точно все... Нет, еще не все. Дополняю: со спутницами жизни мне категорически не везет. Да, вот так – не везет, и все. Вечно попадаются такие, что не приведи господь...

– А я вам тоже ничего не скажу... – с легким злорадством ответила девушка, вернув меня в реальность.

– Ладно, можете не говорить, я и так все знаю... – Я щелкнул затвором трофейной винтовки, проверяя наличие патрона в патроннике.

– Очень интересно... – язвительно пропела Лиза. – Попробуйте продемонстрировать свою проницательность.

– Непременно продемонстрирую, но для начала поясните мне, какого черта вы повезли раненых без прикрытия? И какой идиот вам это разрешил?

– Выбирайте выражения, Михаил Александрович! – вскинулась девушка, а потом сразу сникла. – Было прикрытие... Мы наткнулись на эскадрон королевских улан, и ребята все погибли, прикрывая наш отход. Последним погиб Чак О'Брайн, американец из САСШ. Он даже выстрелить не успел – пробовал отремонтировать колесо, а эти сволочи выскочили внезапно...

Девушка подошла к лежащему неподалеку труп и покрыла его лицо куском ткани. Затем обернулась и сказала:

– Вы можете мне их похоронить?

– Лопата есть? И потрудитесь наконец объясниться, а уже потом, в меру мне дозволенного, объяснюсь я...

У подножия холма я нашел относительно пригодное для могилы место, а потом четыре часа долбал киркой каменистую землю. К счастью, фургон оказался экипирован всем необходимым для путешествия, и от жажды я не умер. Лопата тоже нашлась. А Лиза в меру своих сил помогала мне и рассказывала...

Как я и ожидал, она оказалась из Европейского легиона, помогающего бурам нагибать бриттов. Русские в нем присутствовали, но в не очень большом количестве, гораздо больше было немцев, ирландцев и голландцев. Да и вообще, хватало добровольцев из разных стран. Даже из Америки, Швеции и Финляндии. Бриттов, как бы это помягче сказать... немного недолюбливают, и общественное мнение целиком на стороне буров. И не только общественное мнение: кайзер, к примеру, полным ходом снабжает потомков голландских переселенцев самым современным оружием, а Николаша, тот самый, который Второй, расейский, вообще собирается со стороны Туркестана вторгнуться в Индию. Но, к счастью, его намерения таковыми и остались. Словом, очень многие державы ставят палки в колеса британцам, но без фанатизма, предпочитая побыть сторонними наблюдателями. Во всяком случае, добровольцам своим не мешают.

Лиза сбежала в Трансвааль вопреки воле своих родителей – довольно богатых дворян и промышленников. Впрочем, помешать ей они никак не смогли бы: девушка к началу заварухи обучалась медицине во Франции, чем беззастенчиво и воспользовалась. Ох уж эта прогрессивная молодежь...

Раненых она действительно везла из-под Пардеберга. Выскользнула прямо из-под носа бриттов, которые уже почти окружили отряд генерала Кронье, командующего бурскими войсками. Раненых планировалось доставить в городок Блумфонтейн – столицу Оранжевой Республики, где был расположен совместный русско-голландский медицинский отряд. Во всяком случае, раньше был. Ну а дальше вы все уже знаете.

Потом я установил на могиле несколько больших валунов, позволяющих надеяться, что зверье не доберется до мертвых, и принялся ладить колесо у фургона. К счастью, поломка оказалась не критической, и я быстро выстрогал и заменил сломанную шпонку. Зато, кажется, сорвал себе спину – домкрат к фургону не прилагался. А весил он... короче,

капитальный такой фургон, прямо как у героев книг Луи Буссенара – настоящий дом на колесах. Но встроенной кухни и сортира нет, что весьма печально.

Когда меланхоличные быки опять тронулись с места, оранжевое солнце уже спустилось к горизонту, жара спала, и путешествовать стало довольно комфортно. Приблизилось время явить Лизе свою историю...

– Теперь ваша очередь, Михаил Александрович...

– Елизавета Григорьевна, вам не кажется, что в скором времени стемнеет и нам не мешало бы озаботиться ночевкой?

– Скоро мы доберемся до реки и небольшого оазиса у нее. Как раз к ночи и успеем, – ответила Лиза, а затем пытливо посмотрела мне в глаза и заявила: – Михаил Александрович, не надо мне заговаривать зубы. Если вы не ответите на мои вопросы, то я буду вас считать шпионом.

– И что, есть реальные основания?

– Есть! – отрезала девушка и надула губы. – И много!

– Даже так? А явите, к примеру, хоть одно.

– И явлю! – прошипела в ярости Лиза, а в ручке девушки вдруг блеснул маленький револьверчик. – А ну-ка, держите руки на виду...

– Да ради бога. Только прошу вас, постарайтесь не стрелнуть в своего спасителя... – Я откровенно забавлялся ситуацией. Да и выглядела Елизавета, в своем праведном гневе, просто великолепно. Извините за сравнение, но сейчас она напоминала породистую норривскую кобылку.

– Надо будет – и выстрелю!.. – неуверенно пообещала девушка и выдала вслух оригинальную мысль: – А спасли вы меня, исходя из своих целей.

– Наверное, жутко низменных? И что же я удумал?

– Вот вы мне сейчас и расскажете. Руки давайте!!! – прикрикнула Лиза и воинственно тряхнула пучком веревок.

Я, конечно, мог ее легко обезоружить, но делать этого не стал. Право дело, нет нужды; к тому же мне еще предстоит как-то устраиваться в этом мире, а значит, полностью портить отношения с единственным доступным для меня представителем этого мира явно не стоит. Поэтому добровольно расстался с оружием и дал спутать себе руки. Все равно освободиться трудов не составит: Елизавета вязать руки шпионам абсолютно не умеет. Как этот узел называется: дамский бантик?..

– Все, убедили, Елизавета Григорьевна... – я покайно потряс связанными руками, – буду сознаваться...

– То-то же! У меня не забалуешь! – И без того немного курносый, носик девушки победно вздернулся вверх. – На кого работаете?

– На Китай!

– На кого?.. – недоверчиво прищурила глазки девушка.

– На Великого Богдыхана.

– Зачем?

– Корысти ради. За шпионство он возвысит меня до мандарина десятого уровня и эльфа – восемнадцатого.

– И что же вы хотите узнать? – Глазки девушки от интереса расширились до невиданных размеров.

– Великую тайну! – таинственно прошептал я. – Но ее я не скажу, пока вы мне не явите хоть бы одно доказательство моего шпионства.

– А я вас застрелю! – пообещала Лиза.

– Стреляйте, Богдыхан направит меня после смерти в великую нирвану, где к моим услугам будет тысяча девственных гурий. Так что не страшно.

– Что за гадости вы говорите? – поморщилась девушка. – Какие гурии?

– Девственные.

– Глупости.

– Поверьте, девственные гурии – это нечто!

– Вы пошляк и хам.

– Да, я такой. Итак, я жду ваших аргументов.

Елизавета слегка задумалась и выпалила:

– У вас необычный акцент!

– Да, я долго жил в Америке. Это все ваши аргументы?

– У вас на спине шрам. Я видела, когда вы копали могилу.

– Так вы подглядывали! А еще меня развратником обзывали... Шрам? Это я подрался с медведем.

– Я не подглядывала, – смутилась Лиза. – А еще... вы непонятно откуда взялись. Где ваша лошадь?

– Пала.

– Покажите ваши документы.

– Отобрали бритты. А сам я сбежал, перерезав половину роты шотландских королевских гвардейцев. И валлийских фузилеров походя потрепал.

– Что, правда? – Лиза даже рот открыла от удивления, потом фыркнула и отвернулась от меня. – Вы бессовестный лжец, Михаил Александрович. Я с вами больше не разговариваю.

– Елизавета Григорьевна, вы меня приперли к стенке, придется признаваться.

– А мне уже неинтересно... – буркнула Лиза. – И вообще, отстаньте от меня.

– А это? – Я показал ей свои связанные руки.

– Сами развязывайтесь, а мне недосуг.

– Ну и ладно. – Я скинул с запястий веревки. – Елизавета Григорьевна, ну не обижайтесь: право дело, я все вам расскажу, когда придет время.

– Вы бессовестный... – всхлипнула девушка. – Как вам не стыдно издеваться надо мной?

Мне и вправду стало немного стыдно. Сначала я подозревал, что Лиза просто развлекается, и в меру сил ей подыгрывал, а теперь понял, что она просто ужасно наивна. Не глупая, а именно наивная. И еще она... мне очень нравится. Даже не ожидал от себя такого...

– Ну как можно издеваться над такой красивой девушкой?

– И вовсе я не красивая.

– Очень красивая.

– Нет, дурнушка.

– Нет, красивая.

– Правда? – Лиза повернулась и очаровательно хлопнула своими пушистыми ресничками. – А еще меня считают вздорной и глупенькой.

– Ничего подобного не заметил, – качественно покривил я душой. – Расскажите лучше, как мне встретиться с подполковником Максимовым.

– А зачем вам? – Глазки Лизы опять полыхнули подозрительностью, но она быстро сменила гнев на милость: – Все-все, больше не буду, Михаил Григорьевич. Насколько мне известно, Максимов сейчас в Блумфонтейне... или в Претории.

До того времени, как мы добрались до небольшой рощицы возле довольно широкой речки, делающей в этом месте поворот, я уже выяснил все, что мне было нужно, а вернее – все, что знала Лиза. И хотя она знала до обидного мало, примерный план действий я себе составил. А сейчас надо готовиться к ночевке.

Быков просто выпряг из повозки и отправил пастись в свободное плавание. По словам Лизы, животные почти ручные и все равно никуда не разбредутся. А вот с трофейными лошадами, коих было целых пять, пришлось повозиться. Пока стреножил, пока расседлал, пока напоил – едва волочил ноги от усталости. Конюх из меня – еще тот, хотя скромные навыки имею. А потом пришлось таскать большие сухие кусты с впечатляющими шипами и сооружать из них импровизированный вал вокруг стоянки. Навалил столько, что даже не знаю, как буду утром разбирать эту баррикаду. Затем Лизавета потребовала натаскать воды из реки, так как сама напрочь отказывалась приближаться к ней. И это правильно: я сам едва не поседел от ужаса, когда увидел на противоположном берегу целое лежбище здоровенных крокодилов. Но воды натаскал, и целый час сидел на фургоне, охраняя Лизу во время мытья. Смотреть в ее сторону она категорически запретила, и в качестве профилактики периодически жутко визжала. М#да, спрашивается: и чего я там не видел?.. Хотя да – посмотреть есть на что – фигурка у девчонки весьма симпатичная.

После водных процедур Лиза глубокомысленно поинтересовалась:

– Мне, кажется, теперь надо приготовить ужин?

– Вам кажется правильно.

– Так я займусь?

– Сделайте одолжение, хвороста я уже натаскал и треногу установил... – Я подхватил котелок с водой и побрел за фургон мыться.

– А что готовить? – Меня догнал еще один оригинальный вопрос.

– Да откуда же мне знать, Елизавета Григорьевна? Вам виднее...

– А...

– Знаете что, просто разожгите костер и приготовьте продукты. А я сам все сделаю... – Я быстро скинул одежду и зачерпнул ковшиком воды из котелка.

Господи, неужели удастся вымыться? Уф... Такого наслаждения я давно не испытывал...

– Спасибо. А если? Ой!!! – Лиза машинально забрела за фургон и теперь, прижав кулачки к щекам, во все глаза смотрела на меня.

– Спрашивайте, сударыня, не стесняйтесь... – предложил я, невозмутимо продолжая намыливать.

В одном из трофейных ранцев нашелся неплохой походный мужской несессер, где я мыло и позаимствовал. Впрочем, несессер несколько отличался от привычных мне, так что вскоре придется осваивать опасную бритву и еще некоторые весьма архаические приспособления. Господи, а может, я сплю?..

– Больно надо! – Лизавета кардинально покраснела, фыркнула, круто развернулась и убежала. – Я вообще случайно...

– Заходите еще...

Процесс помывки прошел благополучно, меня никто не съел, а Лиза больше не подсматривала. Оделся, затем разыскал в трофеях пару чистых портянок, с удовольствием намотал их и натянул сапоги, которые оказались теперь как раз впору. Порядок...

Как ни странно, костер уже горел, Лиза даже не забыла водрузить на него котелок с водой. Выбор продуктов своим ассортиментом не поражал. Мешок твердого как камень, резанного на полосы круто перченного вяленого мяса – судя по всему, знаменитого билтонга, – мешок апельсинов с лимонами и несколько мешочков поменьше с разными крупами. Бутылка какого-то масла, полукруг непонятного, но очень вкусного жирного сыра, сухари, связка чеснока и мешок картошки. Да, еще сахар, кофе, пара больших хлебов, мед и бутылка рома.

Поступил очень просто: что такое ирландское рагу, знаете? Если знаете, то вы меня поняли. В котел полетели все ингредиенты, кроме фруктов, сахара и кофе. А потом зажег

керосиновую лампу и с бурчащим от голода желудком сел разбирать трофеи, так как не удосужился до сих пор этого сделать. Что очень плохо, даже совсем отвратительно: трофеи – дело святое, и отношение к ним должно быть соответствующее, трепетное. А Лиза, по собственному желанию, стала мне помогать. Или просто побоялась находиться одна, так как из окружающей нас темноты доносились порой вовсе душераздирающие вопли.

– Ловко вы их убили... – восхищенно прошептала Лиза, передавая мне седельные сумки с коня убитого офицера.

– Меня можно называть просто Михаил или Миша. – Я открыл первую сумку и стал выкладывать вещи на одеяло.

– А можно Мишель? – полюбопытствовала девушка и, не удержавшись, схватила какой-то кожаный мешочек.

– Нет.

– Ну почему#у#у? Я привыкла во Франции... Ой, смотрите, что я нашла! – В руках Елизаветы что-то блеснуло. – Ух ты!!! Это золото?!

– Наверное, золото... – Я повертел в руках маленькую, отблескивающую в пламени костра лепешечку. – Отложите в сторону и к нему складывайте остальные ценности. Елизавета Григорьевна, а как вы оказались в отряде генерала Кронье?

– Следом за Антошей... – глаза девушки наполнились слезами, – а его убили...

– Кто такой Антоша?

– Никто... – Лиза не сдержалась и в голос заревела.

Я в свое время подивился, как она легко относится к смертям вокруг себя, но только сейчас понял, что Лиза находилась в своеобразном шоке – и вот наконец ее прорвало. Но в таких случаях помочь проблематично; надо просто дать выплакаться, а если возможно, даже поплакать вместе... Не надо смеяться, весьма действенное средство! Но рыдать на пару с девушкой я не стал, а просто гладил ее по волосам и шептал утешительные слова – всякую добрую ерунду.

В скором времени поспела еда, я покормил Лизу с ложечки, влил в нее полстакана рому и уложил спать, укутав в пару одеял – к ночи очень сильно похолодало. А потом, убедившись, что она заснула, поел сам и принялся опять за дело.

Трофеи оказались достаточно богатые. Не знаю, сколько здесь стоит самородное золото, но его у меня набралось около полутора килограмм. Может, чуть меньше. Где его взяли уланы, так и осталось неизвестным, а само золото оказалось разделенным на равные доли и находилось в ранцах. Может, грабанули какого-нибудь старателя? Но мне, если честно, абсолютно все равно. В этом мире Михаил Орлов появился, почитай, с пустыми карманами – пара бесполезных кредиток и пара сотен современных долларов не в счет, так что любой прибыток идет в кассу, тем более я в своей судьбе пока совсем не уверен. План, конечно, есть, а вот как оно в реальности повернется – об этом лучше пока не задумываться. Вообще лучше не задумываться, а то и свихнуться недолго. Черт, до сих пор поверить не могу...

К самородкам добавилось несколько золотых соверенов с вычеканенным на них гордым профилем сатрапши Вики, то есть королевы Виктории. И еще пятнадцать фунтов банкнотами. А это – шиллинги?.. В общей сложности, кажется, немало. Доберусь до людей – проверю.

Дальше пошли менее ценные вещи, но я их все равно тщательно перебрал и отложил себе почти новую офицерскую плащ-палатку, пару чистых нательных рубашек с кальсонами, портянки и новенькие тонкие кожаные перчатки. Офицерский планшет из великолепной кожи, керосиновый фонарь и бинокль. Еще нашел совершенно новый мужской восточный платок, тот самый, который называется «шемах». Очень обрадовался находке – штука зело удобная и полезительная.

А дальше пошло оружие, коего оказалось достаточно много. Только кавалерийских карабинов системы Ли-Метфорда – пять штук. Винтовка ладная, прикладистая, магазин емистый и исполнение тщательное – в общем, симпатичный винтарь. И патронов к ним нашлось около семи сотен – тех самых, что калибра .303 British. Правда, насколько я помню, они под дымарь идут, но по большому счету это не важно. Есть из чего выбирать. Кроме трофейных «англичанок» было еще три винтаря «Вестли-Ричардс» и один «Пибоди-Мартини», почти такие же, как тот, с каким я попал в этот мир. Правда, состоянием похуже, но зато к ним нашлась почти сотня патронов, вполне подходящих под мой винт. Этими винтовками, как я понял, были вооружены раненые, которых перевозили в фургоне. Им же принадлежали два «трансваальских маузера», – винтовки системы Маузера под патрон калибром 7x57, уже снаряженный бездымным порохом. Очень хорошая штука, кроет тот же «ли-метфорд» по всем статьям. Их буры закупили у Германии перед самой войной – и не прогадали. Патронов к ним оказалось совсем немного, общим счетом всего сорок пять штук, но думаю, при желании раздобыть их не составит труда. Такими вся армия буров снаряжена... вроде бы; знаю только из учебников, а как оно на самом деле – хрен его знает.

Покойный Чак О'Брайн оказался вооруженным вообще до зубов. Я его стволы запасливо прибрал и теперь стал счастливым обладателем винчестера модели 1894 года, винтовки с рычажным перезаряжением и под знаменитый патрон 30x30. Классная штука, явно не рядового исполнения, и патронов к ней порядочно – ровно полторы сотни. Кстати, Лизавета была вооружена очень похожей винтовкой, только под револьверный патрон калибра .44, тоже, соответственно, под дымный порох.

Чак, пусть ему будет хорошо на том свете, еще поделился со мной отличным дробовиком могучего десятого калибра. Знаменитым винчестером модели 1887 года, той самой слобойкой, которой Шварц крушил разных супостатов, только полноценной – длинной. Однозначно забираю себе во владение, а с винтовками разберусь завтра. Опробую и выберу, так как опытом стрельбы из таких древностей не обладаю от слова совсем. Чем же патроны к слобойке заряжены? Дымарь и картечь? Пойдет, я не привередливый.

Помимо длинноствола набралась целая куча револьверов разных систем и разной степени сохранности. Всякие там «веблеи» и «энфильды» и даже один кольт «Миротворец». Но их я сразу убрал в сторону, так как затрофеил пушку гораздо лучше. Второй лейтенант двенадцатого полка улан Арчибальд Мак-Мерфи, которого я первым отправил на тот свет, от души ошарашив по башке, подарил мне маузер. Да, тот самый «Маузер С#96». Новенький могучий пистолет, снабженный деревянной кобурой-прикладом, обтянутым кожей. Он один стоит всей револьверной рухляди. Не спорю, револьверы тоже хороши, особенно при уверенном навыке владения ими, но я таковым не обладаю. Так что присваиваю маузер. Хотя свой родной «смит», я тоже выбрасывать не собираюсь, все же с ним здесь нарисовался. А патроны, может, и найду. На крайний случай перезаряжу те пустышки, с которыми провалился. Стоп... и этот приберу, «Веблей Марк 4», калибра .455 м – довольно компактный, как карманный сойдет.

Кучу колющего и режущего железа даже смотреть не стал, лишнее оно для меня, да и у самого тесак отличный. Ну вот как бы и все. По-хорошему, стрелковку почистить не мешает, но сил уже не осталось. Когда будет возможность, тогда и обихожу.

Вооружился дробовиком и побродил по периметру, проверяя быков и лошадок. А потом подбросил дров, завернулся в одеяло и прилег возле костра. Будет кипеш – услышу, а не будет... так не будет. Господи, как я домой хочу! Помолиться, что ли?

– Я понимаю, команданте Господь, что ты на меня обижен, если допустил такой произвол в отношении раба Твоего, но, пожалуйста, смилуйся и сделай так, чтобы, когда я открыл глаза, вокруг торчали небоскребы, а воздух пах отработанными газами автомобилей. Аминь...

Глава 3

*Оранжевая Республика, река Утгер
18 февраля 1900 года. 04:00*

Господь очень ожидаемо проигнорировал мою молитву, и, проснувшись, я узрел все те же унылые африканские пейзажи. Может, еще раз помолиться? Нет, не буду, все равно бесполезно. Глянул на припрятанный под манжетой «Ролекс» и решил вставать.

– Ну хоть не сожрали... – сделал я вывод, провожая глазами небольшую стайку гиен. Поежился от холода и поплелся раздувать костер и ставить кофейник. Пока вода закипала, по-быстрому пересчитал животину, выяснив, что двух быков как корова языком слизнула, простите за каламбур. Побродив по оазису, я обнаружил их следы, ведущие к реке, и сделал вывод, что бычков можно уже не искать. Крокодилы, сэр... Затем внезапно вспомнил еще об одной африканской напасти, и в панике принялся искать злогребучую муху цеце. А что? Страшно ведь. Но, к счастью, не нашел – вернее нашел, но мух было столько, что определить, кто из них «цеца», а кто нет, я решительно не смог. А вообще, я даже не знаю, как она выглядит. На этом и успокоился. Потом вспомнил о змеях и, безуспешно поискав их, угомонился окончательно.

Поплескал себе водичкой в лицо, глянул в зеркальце и решительно достал опасную бритву. Авось не зарежусь...

К удивлению, эксперимент прошел достаточно благополучно, и, сразу посвежев и повеселев, я раскурил одну из трофейных сигар. Достал трофейную же карту и погрузился в изучение обстановки.

Итак... мы уже в Оранжевой Республике – это означает, что в тылу. Насколько я помню, боевые действия на территорию буров еще не перенеслись. Да, не надо удивляться: безбашенные потомки голландских переселенцев, армия которых, по слухам, едва ли насчитывала полсотни тысяч, а в реальности – вдвое меньше, первыми объявили войну самой могучей империи этого времени. Не только объявили, но и первыми вторглись в Капскую колонию и Наталь. Причем сразу загнали гордых бриттов за облака. Но это только по первому времени, дальше события развивались вполне прогнозируемо. Англы нагнали туеву хучу войск, сделали правильные выводы из первых поражений и нахлобучили бурам по первое число, в итоге захватив все их территории. Конечно, все прошло очень не гладко: буры, перейдя к партизанской войне, портили жизнь империи аж до 1902 года, в итоге вынудив подписать вполне почетный для себя мир. Де-юре Оранжевая Республика и Трансвааль становились колониями Британии, а де-факто англы даже выплатили нехилую контрибуцию побежденным бурам за причиненный ущерб.

Так вот, я оказался здесь как раз в тот момент, когда наметился кардинальный перелом в войне. Генерал Питер Кронье еще мужественно сидит в окружении под Кимберли, но через пару-тройку дней капитулирует. Вот с этого самого момента война для буров покажется под откос.

Сразу же напрашивается вопрос: а какая твоя, Михаил Александрович, роль в данных событиях и как ты собрался выживать? Попробуем пофантазировать...

Итак, вспоминаем похождения храбрых попаданцев и, вооружившись своими гениальными знаниями в области химии, физики, тактики, стратегии, производстве и оружейном деле, приступаем к работе. В результате очень скоро наглов летят бомбить армады дирижаблей и бомбардировщиков, слепленных их подручных материалов. Танки с командирской башенкой и бронетранспортеры на паровом ходу бодро давят драпающих шотландских стрелков, а добродушные буры, вооруженные гранатометами, ручными пулеметами и гра-

натами из консервных банок, после продолжительной артподготовки самодельными реактивными системами залпового огня, победно гонят супостата, вплоть до Лондона.

– Ух-ты, мля... – Я затынулся восхитительной сигарой и подивился своей бурной фантазии.

Ладно, помечтали – и хватит. Теперь немного реальности. У меня нет вышеупомянутых гениальных знаний, от слова совсем. Гранату из консервной банки я, конечно, сделаю, мину тоже, но не более того. Я умею лишь воевать, причем воевать лично, но никак не командовать крупным соединением. К тому же мои военные навыки и умения весьма специфичны. Так что мечта о командирской башенке на танке так и останется мечтой, тем более что танков этих еще нет – не придумали.

Дальше... У Трансвааля и Оранжевой Республики нет производственной базы. Совсем! Абсолютно все, вплоть до иголок, они покупают у соседей, а точнее – у тех же бриттов и дойчей. Выхода к морю у них тоже нет, а железные дороги, по которым они снабжаются, перекрыть так же легко, как раздавить муравья. Но и это не все – буры не умеют и не хотят воевать. Парадокс? Нет, не парадокс. Да – они очень метко стреляют, да – они умеют маскироваться и устраивать засады, да – они мужественны и стойки и вооружены не хуже британцев, но воевать все-таки не умеют и даже не хотят учиться. Это против их сущности. Почему? Скажу кратко. Бур сам себе командир и подчиняться кому-либо априори не способен. В коллективе воевать тоже не хочет, в силу своей яркой индивидуальности. Короче: хочу – воюю, хочу – не воюю, а могу и вообще в плен сдаться. Кстати, буры сами себе выбирают командиров, а пленных с извинениями сразу отпускают домой. По крайней мере, в начале войны так было. Джентльмены, етить. Короче, буры, едва начав войну, сразу же ее проиграли. Но оговорюсь, сведения я почерпнул из свидетельств европейских очевидцев того времени, так что на истину не претендую, а живых буров пока и в глаза не видел.

Я, конечно, довольно хорошо знаю о ходе войны: даже имена командиров и даты сражений помню, но как применить эти знания – пока не знаю. Да и не послушают они меня: своих отцов-командиров запросто игнорируют, куда уж мне?... И опять же, как ни крути, британцы все равно сделают бурам карачун, по совокупности многих причин.

Ладно: план, конечно, у меня есть, но весьма призрачный. Все будет зависеть от того, как я легализую собственную персону.

Итак, я знаю английский и немецкий языки: конечно, на разговорном уровне, но все же... Выгляжу нормально – то есть из толпы европейских добровольцев вроде не должен выделяться. Документов у меня нет, но это легко списать на какой-нибудь приличествующий случай. В плюсе – героическая оборона любезной Лизаветы Георгиевны и горстка уничтоженных уланов, так что должны поверить, к тому же с добровольцами сейчас совершеннейшая неразбериха, а до фотографий в паспортах еще не додумались.

Каковы мои следующие действия? Первоначально – добраться до своих, точнее, до подполковника Максимова, который вроде бы руководит русскими волонтерами. Или до любого офицера, прикомандированного российским Генштабом к бургским войскам в качестве военного наблюдателя. А затем... а затем видно будет. Загадывать не хочу, к тому же не исключаю, что меня унесет обратно. А что? Вполне допускаю. Верните меня, пожалуйста!!! Ну что вам стоит?..

Стоп! Мои-то планы известны, но в фургоне дрыхнет без задних ног прелестная Лизочка. А что у нее на уме, мне как-то совсем неизвестно – не удосужился вчера узнать.

Кофейник уже весело булькал на костре, так что для побудки появился весомый повод. Исключительно по собственной доброте соорудил горку бутербродов из подручных продуктов, начистил апельсинов и потащил все это великолепие в фургон.

Поводил кружкой перед очаровательным личиком и скомандовал:

– Подъем, Лизхен, нас ждут великие дела.

– Мм... кофе... – промурлыкала девушка и сладко потянулась. – Мишель, вы просто прелесть...

– Да, я такой... – погордился я собой. – Вставайте, Лизхен, завтракайте, и будем собираться.

– Куда? – подозрительно спросила девушка.

– А куда вы вообще собирались?

– Везла раненых в госпиталь... – Лиза нахмурилась, – но теперь...

– Что теперь?

– Теперь я не хочу в госпиталь... – угрюмо буркнула девушка и отвернулась.

– Почему это, спрашивается? Вы же врач?

– А меня там никто не ждет... – протянула плаксиво Лиза.

– Что за тайны мадридского двора? А ну рассказывайте...

После настойчивых уговоров милейший врач Елизавета Григорьевна Чичагова поведала мне страшную историю. Оказывается, первоначально ее приписали к русско-голландскому санитарному отряду и поручили попечительству некоего Карла Густавовича фон Ранненкампа. Где она успешно и обреталась, даже ассистируя при операциях и пользуясь всеобщей любовью и уважением. А потом... ну а потом произошла амурная история. Лизавета влюбилась... или вернее – вообразила себе, что влюбилась, в одного молоденького русского студента-медика, который об этом даже и не догадывался. Антоша, так его звали, отправился вместе с бурами воевать Капскую колонию, а Лизавета попыталась отпроситься у начальства, для того чтобы проследовать вместе с ним. Декабристка, етить... Но, как вы догадываетесь, ей никто не разрешил. Даже пригрозили отправить с первым пароходом в Россию – это если она не отстанет. Упорства и сумасбродства Лизавете было не занимать, и она недолго думая самовольно сбежала, прихватив вещички, форму и санитарную сумку. А теперь...

– Карл Густавович меня домой отправит... и-т...

– И правильно сделает, – утешил я девушку, – чтобы в дальнейшем nepовaдно было.

– А я не хочу...#у#у...

– А кто хочет? Что же вы, Лизхен, все бегаете?

– И ничего я не бегаю...

– Из Франции самовольно сбежала?

– Нет... да...

– Из госпиталя сбежала?

Лиза промолчала, очень ненатурально всхлипнула, а потом вкрадчиво поинтересовалась:

– А можно я с вами побуду, Михаил Александрович?

– В смысле, Елизавета Георгиевна?

– Вот вы куда собираетесь?

– К людям.

– Вот и я с вами.

Я сделал вид, что поглощен тяжкими раздумьями, а потом неохотно согласился:

– Ладно, Лизхен, так уж и быть. Но требую беспрекословного послушания, а иначе...

– Так точно, ваше благородие! – Лиза довольно улыбнулась и взяла под козырек.

– К пустой голове руку не прикладывают; а сейчас – завтракайте и собирайтесь.

И пожалуйста, смените этот ваш балахон на гражданскую одежду... – Я развернулся и пошел собирать скот, твердо решив завести девчонку в тот самый госпиталь, куда она так не хочет. И уговорить главврача, чтобы сильно ее не ругал. Девушка она хорошая, местами вообще замечательная, даже нравится мне, но с собой ее таскать не хочу и не буду. Такой обузы мне

на шею еще не хватало... А вообще – посмотрим, у самого особого желания воевать нет, навоевался уже, да и вроде как не моя это война...

Матюгаясь, запряг быков, а коняшек просто увязал цугом за повозкой. Каракового жеребца и симпатичную белую кобылку сразу оседлал – а вдруг придется быстро уходить от погони?.. Потом занялся собой. Закончив, глянул в котел с водой...

Ух, молодец! Настоящий доброволец. Бравый детина славянской наружности в образе «милитари». На головушке фетровая широкополая шляпа, с загнутым с одной стороны полем. Защитного цвета френч с накладными карманами. Под ним оливковая блуза и шейный платок, а поверх его еще и шемах. Образ завершали высокие кавалерийские сапоги с голенищами-бутылками и бриджи с неширокими галифе, усиленные в нужных местах мягкой и прочной кожей. Как там у Хаггарда его путешественника по Африке звали? Не помню, но я сейчас – вылитый он.

Полностью удовлетворился своим видом, затем принялся подгонять и собирать снаряжение. Маузер в деревянной кобуре через плечо, на пояс нож, флягу и пару подсумков с патронами к винчестеру. Экипироваться решил пока им – достаточно легкий винтарь, да и патронов к нему хватает. Так, что еще? Планшет с картой и еще один патронташ через грудь. Всю остальную снаряду – в седельные сумки. Туда же – еще пару фляг и немного провизии. Дробан – в седельную кобуру. Ну вот вроде и все? Нет, не все, Лизкину кобылку надо экипировать подобным образом и приготовить поклажу для заводных лошадок. Зараза, еще с места не тронулись, а уже устал как собака.

– Я готова! – Из фургона горделиво выплыла Елизавета и, очевидно ожидая публичного проявления восхищения, застыла в весьма эффектной позе. Ручка в бок, ножка немного на отлете, личико просто светится осознанием собственной элегантности. Ох уж мне эти женщины – право дело, не вижу никаких различий между дамочками двадцать первого столетия и нынешними мадамами. Время идет, а сущность совершенно не меняется. Хотя признаю, выглядит Лизхен сногшибательно.

Небольшая шляпка с черными кудрявыми перышками, коротенькая курточка, отделанная бахромой, длинная юбка-брюки и замшевые сапожки на невысоких каблукках. На широком поясе – кобура тисненой кожи с маленьким револьверчиком и охотничий нож. Ну и дамская сумочка, стилизованная под охотничий ягдташ, куда без нее. Да, вуалетку на шляпке забыл. Словом, хороша чертовка. Неожиданно поймал себя на мысли: если вдруг, каким-то чудом, меня занесет обратно в двадцать первый век, то я совсем не против забрать ее с собой...

– Что, плохо? – сморщила носик Лиза, так и не дождавшись бурных рукоплесканий.

– Нормально... – Я подошел, накрутил ей на шею свой шемах и поинтересовался: – Где ваша винтовка и патроны к ней?

– Там... – затянутый в изящную перчатку пальчик указал на фургон. – А зачем?

– Вы на войне или как? – Я застегнул на ней патронташ, повесил на плечо карабин и, не удержавшись, добавил на пояс флягу. – Итак, оружие держать всегда под рукой, быть готовой по команде стрелять на поражение. Вот вам еще бинокль – назначаетесь впередсмотрящей. Понятно?

– Понятно... – уныло согласилась Лиза. – А если?..

– Отставить. Не слышу!

– Так точно... – совсем разуверилась в своих женских чарах молодая лекарша и вдруг в сердцах выпалила: – Ну скажите мне комплимент! Жалко, что ли?..

– Вы просто очаровательны Лизхен. А теперь – марш в фургон!

Проконтролировать приказ я не смог, так как за спиной раздался шорох сухой травы. Развернулся, выхватывая маузер, и увидел загорелого дочерна, бородатого здоровяка в шляпе, очень похожей на мою, только неимоверно потрепанной. Мужик мирно лыбился,

винтовка висела у него за плечом, а в руках он держал повод могучего вороного коня. За ним застыли три чернокожих оборванца, до предела нагруженные поклажей, а четвертый держал над мужичком зонтик от солнца.

Ну ни хрена себе картинка угнетателей и угнетаемых... Вот и буры пожаловали...

Бородач вежливо кивнул мне и что-то неразборчиво пробасил. Я попробовал перевести и понял, что фраза неожиданно нецензурная – что-то вроде: «член тебе в дых»... Это как понимать, образина ты бородатая?!

От конфуза спасла Лизавета. Девушка мило пожелала здоровяку того же и жестом пригласила к нашему бивуаку.

– Что он сказал-то? – шепнул я ей. – Если обругал, так и скажи. Я ему...

– Добрый день... – прыснула дева. – Он сказал: добрый день. Это на африканс. Михаил Александрович, и будет невежливо, если мы его кофием не напоим. Обычаи такие местные. Да и потом, совсем не мешает новости узнать.

– Не мешает, – охотно согласился я. – Это дело нужное.

Мы чинно расселись вокруг костерка, на который Лизавета немедленно пристроила кофейник. Пристроила и скромно примостилась рядом со мной. Да еще ручки на коленках сложила – словно примерная школьница.

Затем по очереди представились друг другу, вследствие чего я узнал, что имею дело с Яаппом ван Груде, фермером из окрестностей Блумфонтейна. И всё. На этом у африканера закончился лимит слов, он извлек длинную трубку, набил ее и окутался тучкой ядреного табачного дыма.

Я недолго подумал и тоже раскурил сигару. Лизавета страдальчески морщилась, но отодвигаться от меня не собиралась. Чернокожие сбились кучкой в сторонке и с опаской на нас поглядывали. Я, по инерции, совсем было собрался пригласить их к костру, но потом живенько прогнал эту мысль к чертям собачьим. Не поймут... и кажется, правильно сделают. Время такое – ни хрена не толерантное.

Забулькал кофейник; Лизочка, изображая гостеприимную хозяйку, разлила по кружкам кофе. Бур немедленно оживился, пробормотал какую-то молитву, перекрестился и шумно хлебнул огненной крепчайшей жижи.

Я краем глаза следил за Лизхен – девчонка уже успела пообтесаться здесь. Дева тоже перекрестилась и демонстративно прочитала молитву. Пришлось повторять... и, кажется, не зря: африканер довольно кивнул, узрев наше представление. М#да... буры они... как бы это сказать? Упоротые кальвинисты, вплоть до полного фанатизма, но, как ни странно, – очень веротерпимые. Конечно, не ко всем религиям, но христиан разных конфессий очень даже жалуют, а любую показательно-образцовую набожность принимают как должное.

Докурив, африканер громогласно прокашлялся, выбил и спрятал трубку, а потом на достаточно правильном немецком языке поинтересовался:

– Как ваши дела, минхер Михаэль?

– Хвала Господу нашему, неплохо, – и я не преминул еще раз перекреститься. – А как ваши, минхер Яапп? Здоров ли скот? Родит ли земля?

– Хвала Господу, все хорошо... – Бур удовлетворенно покивал головой. – Намедни дочка благополучно разрешилась мальчиком. Окрестили Питером.

– Хорошее, богоугодное имя... – несанкционированно влезла в разговор Лизавета. – Нашего царя так звали.

Африканер мазнул по ней взглядом, нейтрально вежливо кивнул и, начисто игнорируя девицу, поинтересовался у меня:

– Куда вы следуете, минхер Михаэль?

– В Блумфонтейн, минхер Яапп... – не стал я скрывать цель нашего путешествия; но про историю с ранеными умолчал – мало ли как он среагирует?

Минхер ван Груде обрадованно крикнул, потом устыдился своей неводержанности и предложил:

– Не будете ли вы возражать, если я составлю вам компанию? Я следую домой в желании успеть на крестины внука.

Меня так и подмывало спросить у него, откуда он следует, но не стал – и так было все ясно – из-под Кимберли или Пардеберга. Счел бородач, что надо сгонять на крестины – так и сделал. А война подождет. М#дя... ох и вояки... Ладно, пусть с нами едет, не жалко. Может, наконец разродится какой-нибудь интересной информацией.

– Минхер Яап, буду очень рад... – я не договорил, так как в просвете пальм увидел небольшую, сильно растянувшуюся процессию.

И это были...

Глава 4

*Оранжевая Республика, река Утгер
18 февраля 1900 года. 13:00*

К оазису приближался небольшой пеший отряд, состоящий из пары десятков человек и пяти раненых, которых несли на самодельных носилках. Вру, больше раненых, шестого запросто нес на закорках здоровенный мужичок. Или не раненый? И это явно не бритты – никакого подобия формы на них я так и не разглядел, да и вооружены эти товарищи очень разнообразно, причем некоторые вообще без оружия. Да и выправки никакой. Ближайшая аналогия – фраза моего бывшего ротного: «Сброд блатных и шайка нищих». Следовательно, особых сомнений не возникло: если не бритты – то тогда буры. Но дело в том, что эти люди и на буров особо не похожи. Кто тогда? М#да... быстренько события развиваются; кажется, на ловца и сам зверь бежит – казацкий бешмет я ни с чем не перепутаю. Но откуда, на хрен, здесь казара? Ладно, посмотрим...

– Елизавета Георгиевна, готовьте свое медицинское хозяйство, оно может очень скоро понадобится, – предупредил я девушку, потом обратился к африканеру: – Минхер Яапп, прошу извинить меня, но, кажется, наше отбытие откладывается.

Африканер с каменной мордой бесстрастно кивнул, а Лизавета, разглядев потенциальные объекты для применения своих медицинских знаний, мухой метнулась в фургон. Живенько так, можно сказать даже – с радостью. А я просто открыл крышку кобуры своего маузера. На всякий случай...

Измученные люди, особенно не обращая внимания на нас, с ходу падали на траву, побросав как попало винтовки, и хватались за фляги. Раненых сложили в рядочек, словно трупы, а последнего, шестого, здоровяк прислонил к пальме, что-то заботливо приговаривая. На русском языке.

Я хотел подойти к нему, но обратил внимание на молодого парня в студенческой тужурке и фуражке. Худенького такого, похожего на нахохлившегося воробушка. Студент производил со своей винтовкой некие странные экзерциции, явно не зная, куда ее при ткнуть...

– Ты что творишь, мать твою!!! – рявкнул я по инерции, но не успел – бабахнул выстрел, и пуля смачно вцепилась в башку одного из чернокожих, с любопытством рассматривающих прибывших.

С досадой крикнул африканер, в момент лишившийся своего имущества, затем наступила мертвенная тишина. За негра можно было уже не беспокоиться – студентик пальнул из могучей однозарядки Мартини-Генри, и ее тяжелая безоболочечная свинцовая пуля запросто разнесла черную патлатую голову – как перезревшую тыкву.

Не сдержался я. Нет, ну это вообще полный... короче, разброд и шатание! Так и до нигилизма недалеко... В три шага приблизился к студенту и, выдрав у него из рук винтовку, аккуратно тюкнул ошарашенного паренька прикладом по голове.

– Кто, мать вашу, здесь старший?! – Моему реву запросто мог позавидовать средних размеров бегемот. – Живо ко мне с докладом!!! Остальным – строиться в одну шеренгу. Выполнять, мать вашу, ослы беременные!!!

А затем, расслышав немецкий говор, все повторил на языке Гете, заменив отечественные словосочетания определенного толка на соответствующие – из германского народного фольклора. Кстати, получилось тоже очень неплохо.

На несколько секунд в оазисе воцарилась могильная тишина, слышался только злой мат на тарабарском бурском языке. Я даже подумал, что в меня сейчас пальнут, но к счастью, обошлось. Народец наконец подорвался с места и, бестолково суетясь, построился в кривую

шеренгу. Первыми пример подали дойчи – они даже по ранжиру стали. Детина в казачьем бешмете даже и не подумал присоединиться к строю. А несчастный студентик так и остался лежать на травушке...

– Елизавета Георгиевна, посмотрите, что с ним... – попросил я Лизоньку, уже напялившую свой санитарный балахончик, сделал шаг к строю и строго так, внушительно рывкнул: – Старший отряда, ко мне!

Робкие переглядывания, приглушенный шепот, толкания локтями – я уже подумал, что командира не обнаружится совсем, но опять же первыми сориентировались германцы. Плотный, сравнительно бравый мужичок, с усами а#ля кайзер Вильгельм, сорвался с места, бодренько подбежал и, пожирая меня глазами, вытянулся во фронт:

– Адольф Шнитке, ефрейтор в отставке восемьдесят девятого гренадерского полка тридцать четвертой Мекленбургской пехотной бригады. На данный момент старший сводной группы германских добровольцев. В строю восемь бойцов, двое раненых.

Я, заложив руки за спину, покачался на носках сапог, помедлил мгновение, рассматривая в упор ефрейтора, и сухо процедил:

– Капитан Майкл Игл. Следую для координации действий добровольческих подразделений. Хвалю за службу, ефрейтор Шнитке.

Нет, ну не буду же я ему представляться мичманом... несолидно как-то. Капитаном – в самый раз, а потом... как-нибудь разгребусь. Опять же, Орлов – фамилия приметная, особенно среди соотечественников, а Игл – в самый раз, с намеком на секретный псевдоним: фамилия «Игл» значит «Орлов» на аглицком. Доведу несчастных до людей, а дальше скажем друг другу «до свидания». Я как-то не намерен воевать. Стоп, еще один командир нарисовался...

– Пьер Ла Марш, – маленький, отчаянно усатый француз даже каблуками щелкнул. – Солдат первого класса в отставке. Старшина *отдельного*... – коротышка специально выделил это слово, злобно зыркнув на дойча, – отряда французских добровольцев. В строю восемь человек, трое раненых.

– Капитан Майкл Игл. Следую для координации действий добровольческих подразделений. Хвалю за службу, солдат первого класса Ла Марш. – Я, в связи с полным отсутствием знаний французского языка, говорил на немецком, который, судя по всему, француз понимал, а затем обратился к ним обоим: – Немедленно организовать боевое охранение в составе двух пар, по одной от каждого отряда. Затем ко мне на доклад. Выполнять!

Вот даже не знаю, что на них подействовало, но мужички умчались чуть ли не вприпрыжку. Я окинул взглядом сразу оживший оазис и довольно улыбнулся. Я их еще научу службу служить. Развели бардак, понимаешь... Стоп-стоп... надо же как-то с буром дела уладить...

– Минхер Яапп, я сожалею...

Бур меня не захотел понять и выдал еще серию ругательств, яростно размахивая руками и порываясь подступить к студенту. Безвинно павшего ниггера уже тащили в сторонку остальные чернокожие. М#да... как-то неловко получилось, но не отдавать же ему студента – соотечественник вроде...

Немного поломав голову, я взял минхера Яаппа за рукав и подвел к фургону, где вручил ему одну из трофейных однозарядок «Мартини-Генри» и горсть патронов к ней. Бур призадумался, энергично-отрицательно замотал головой и показал рукой на вторую винтовку.

– Минхер Яапп, это хорошая цена, ваш чернокожий и этой винтовки не стоил... – попробовал я его облагоразумить.

– Две! – на пальцах показал бур. – Он был очень хороший работник. Так что две, и точка.

– Ну и черт с тобой... – буркнул я ему по-русски и вручил самый потертый винтарь. Патронов не дал совсем.

Бур удовлетворенно кивнул и сразу же стал собираться. Ну что же, я его в чем-то понимаю. От этой орды чего хочешь можно ожидать, могут и остальных рабов пристрелить.

Тем временем к нашему фургону уже перетащили раненых, а Лизхен даже кого-то начала тиранить – из повозки доносились залиvistые вопли. Дитина казачьего звания оттащил студентика в тени и сейчас пристраивал ему мокрую тряпку на ушибленную головушку.

– Здравствуй, козаче.

– Я не казак, вашблагородье... – угрюмо буркнул мужик в ответ и уставился на меня исподлобья.

Очень интересно... а кто же ты тогда? Добродушное, совсем молодое русское лицо с небольшой курчавой бородкой, настоящий богатырь – выше меня чуть ли не на голову, потертый нестроевой бешмет, мягкие сапожки и кавказский длинный кинжал на поясе. Винтовку не бросил – «бурский маузер» аккуратно к пальме пристроен. Там же и сабля лежит – британская, точно такая же, как и те, что у меня в фургоне. И не казак? Надо бы познакомиться поближе...

– Ты это... про благородие забудь – не люблю. Михаилом Александровичем меня кличут.

– Степан Наумыч, значица, Мишустовы мы... – нехотя ответил парень, немного подумал и начисто проигнорировал мою протянутую руку.

– Каким ветром тебя, Степан Наумович, сюда занесло? – Я присел и показал ему на валун рядышком. – Ты садись, дружище, в ногах правды нет.

– Каким ветром, гришь? – Парень исподлобья на меня глянул и почти враждебно ответил: – А вам оно надо, вашбродие?

М#да... очень дружелюбно. А с другой стороны, казаки и есть народец резковатый, палец в рот не клади. Ну да ладно, дорог на свете много, как-нибудь разойдемся. А не разойдемся – так не обессудь.

– Твое дело, парень... – Я встал и собрался уходить. – Ты мне только вот что скажи: ты с нами или нет?

Казак на секунду задумался и нехотя процедил:

– Да с вами я... С вами. Тока...

– Я его убил? – вдруг раздался надрывный страдальческий голос. Молодой студентик пришел в себя и теперь с ужасом смотрел на свои руки, как будто хотел разглядеть на них потеки крови. И главное – он тоже говорил по-русски.

– А как жа, – успокоил его Степан и нахлобучил ему тряпку на голову, – канешно убил, прям в лоб влил. Ерой...

Паренек в ужасе ахнул и опять потерял сознание. К счастью, к нам промаршировала Лизхен, уже обзаведшаяся двумя добровольными помощниками, окинула меня гневным взглядом и скомандовала тащить студента в фургон.

Я помедлил немного – так и подмывало поставить казачка на место – но потом решил не усугублять. Мало ли что, без причины так себя не ведут. Может, есть повод, а гордость рассказать не позволяет. Ладно, со временем все станет ясно...

Вернулись с докладом командиры отрядов, я выслушал их, затем скрепя сердце выдал винтовки и патроны безоружным, потом организовал горячее питание, опять же едва ли не ополовинив наши с Лизонькой припасы.

Я еще успел повздорить с Лизаветой – девчонка всерьез собралась мне выговаривать за то, что я ошарашил по башке Веничку... тьфу ты опять... то есть Вениамина Львовича Мезенцева – того самого неприспособленного студентика-химика. Даже странно – Лизхен

совсем не вспоминала о том, что этот самый Веничка десяток минут назад угробил негритоса, которого сейчас бодренько дожирали гиены в саванне... Ну да ладно. Кстати, она оказалась действительно врачом и довольно умело обиходила раненых, выковыряв при этом массу осколков и пару пуль. Выглядела после этого, словно упыриха – вся в кровище, но бодрость духа сохранила и сразу принялась за остальные болячки – сбитые ноги и прочие мозоли. Словом, молодец, Лизавета Георгиевна.

Я походя поймал Шнитке и расспросил, откуда взялся при отряде Степан. Оказалось, что он с самого начала был вместе со спутником, каким-то русским, с виду богатым. Отряд из добровольцев возглавлял отставной майор германской армии, но вследствие полной несогласованности взаимодействия с основными силами быстро был бриттами разбит, потеряв семьдесят процентов личного состава. Командира убило вместе с богатым русским одним снарядом. Каким-то чудом волонтерам удалось выбраться и даже отбиться от преследующей их британской кавалерии. Все это время Степан был с ними, причем воевал умело и расчетливо. Саблю он снял с убитого улана, вот только зачем она ему нужна, Шнитке наотрез отказывался понимать.

М#да... больше загадок, чем ответов. Одно только ясно – он казак, но вот почему не признается? Да и ладно.

К вечеру, управившись со всеми делами, я наконец присел и под сигару потихоньку прихлебывал кофеек. Тяжелое это дело – командовать. Особенно гражданскими, штафирками. Ох и тяжелое... Лизавета успела привести себя в порядок, подседа и, сменив гнев на милость, отчаянно ко мне подлизывалась. Веничка отсиживался в фургоне и свиреподулся на меня, за некое «варварское» отношение к нему. Так сам выразился, стервец малахольный...

Словом, дела потихоньку налаживались. Одно присутствие соотечественников нештучно прибавляло бодрости духа, и я уже прикидывал, как свалить подальше из этой клятой Африки и сманить за собой всю компанию. Куда свалить? Конечно, в САСШ, а там... там я уже знаю, что делать.

Но тут... тут приперлись Ла Марш и Шнитке и заявили, что если я хочу возглавить отряд, то должен подтвердить им свою личность. Ни много ни мало. М#да... все правильно: успели опомниться, и теперь самое время усомниться в личности непонятного капитана. До меня только сейчас стало доходить, что я личину не очень правильную выбрал. Майкл Игл может быть только англom – что вообще неприемлемо и в высшей степени подозрительно – или американцем, чьи воинские звания среди европейцев никак не котируются. Не успели еще заслужить. Ну и что мне делать? А вообще, наглость – второе счастье, вот из этого и будем исходить.

– А если я не хочу возглавлять ваш отряд?.. – как можно безразличнее буркнул им в ответ.

– Как?! – в один голос возмутились немец с французом. На их лицах читалось такое дикое недоумение, как будто я отказался командовать целой армией.

– А так. Все, что мог, я для вас уже сделал, но, к сожалению, у меня совершенно другие задачи. – Я с каменным лицом развел руками.

Оно мне надо? Документы для начала покажи, коих у меня нет от слова совсем, затем звали себе на шею этих остолопов и делай из них солдат, что тоже весьма непросто. И главное, в этом случае придется воевать, чего я тоже совсем не хочу.

– Господин капитан!.. – экспрессивно воскликнул француз и обескураженно заткнулся – очевидно, не найдя, что сказать.

– Герр гауптман!.. – Немец тоже осекся и почему-то смущенно стал рассматривать мыски своих сапог.

А еще я заметил нехорошо прищурившиеся глаза Елизаветы Георгиевны. Ну как же: я, видите ли, отказался воевать за благое дело! Ох, похоже, и намучаюсь я с ней...

– Еще раз вам повторяю – у меня своя миссия. Могу вам сообщить лишь, что я американец. Более ничего.

– Но!.. – теперь первым начал возмущаться немец, но опять не успел ничего сказать. Примчался один из дозорных и с ужасом сообщил, что к оазису на рысях несется не менее эскадрона британских уланов.

Приехали...

Глава 5

Оранжевая Республика, река Утгер

18 февраля 1900 года. 18:00

– Ну что стоим, мать вашу; к бою!

Для того чтобы расставить по местам наличных бойцов и провести инструктаж, много времени не понадобилось, и через несколько минут я уже наблюдал британский кавалерийский отряд в бинокль.

Да – уланы, примерно десятка четыре, а точнее – тридцать пять. Но никак они не «несутся», а вполне себе трусят по направлению к оазису, примерно в километре. И совсем уж не эскадрон. Делов-то: один пулемет – и все, туши свет, сливай воду... Однако нет у нас пулемета. И не предвидится: редкость пока они, тем более – ручные. Даже приличных солдатиков нет... добровольцы, мать его ети. Два парикмахера есть и целый мясник, не говорю уже про студента-химика. Нет... забыл, есть два финна: грят, охотники. Но от этого как-то спокойнее не становится. Ну и?..

– Господа... – я обратился к Ла Маршу и Шнитке, – предупреждаю: если хоть одна сволочь выстрелит без команды, расстреляю лично! Не их, а вас расстреляю. Огонь только по моей команде, залпами, и будьте добры проследить, чтобы ваши люди разобрали цели между собой, а не палили в одних и тех же. Понятно? – Я проводил взглядом удаляющихся командиров и для порядка рыкнул вслед: – Ползком, мать вашу, ползком! Стоп!!!

Что еще? Степан залег неподалеку, невозмутимо гоняет во рту травинку, Лизхен спряталась под фургоном со своими подопечными и Веничкой, которого я приставил к лазарету от греха подальше. Остается только надеяться, что бритты до нас не доедут. В противном случае... даже загадывать не хочется. Зараза, вот же занесло болезного – то есть меня, в японские исторические дали!.. Хотя, если разобраться, надо еще спасибо сказать, что не в Средние века. Читал давеча одного писателя, так тот как раз излагал про такой случай. Ох и намытарился там главный герой, пока свое графство отвоевал!.. Млять, да чего ж так руки трясутся? Вроде не пацан, успел пороху понюхать...

Бритты никуда сворачивать не собирались – наоборот, следовали как раз к оазису. Я подозреваю, перлись они по следам добровольцев. Впрочем, тоже довольно бестолково, без передовых разездов. Но это недолго они так расслабляться будут – буры живо вышколят.

Я поматерился мысленно, и когда кавалеристы приблизились на сотню метров, отдал команду «огонь», при этом сам выцелил их командира. Грянул нестройный залп, десяток улан моментом вынесло из седел, с истошным ржанием грохнулись на землю несколько лошадей. К счастью, я попал – улан с султанчиком на шлеме завалился на шею своей лошадке. Кавалеристы смешались, пытаясь выйти из-под огня, что позволило нам сделать еще один залп, свалив с пяток человек, а потом они совершили логичную глупость – с места в галоп ринулись атаковать оазис с саблями наголо. По пути успев сделать по нам залп из своих карабинов. Ловко и слаженно, но... в белый свет как в копейку. Все ополченцы залегли, так что в них даже прицельно не очень-то попадешь.

Третий наш залп, а вернее – совсем нестройная пальба урона большого бриттам не принесли – снесло всего пару человек, причем одного застрелил я, а второго – кажется, Степка.

Очень рассчитывая, что добровольцы, по моему совету, не станут лезть под копыта и сабли, я бросил винтовку и выдрал из кобуры маузер. К счастью, уланы пронеслись стороной, и я вполне спокойно расстрелял обойму им в спины. Целился в лошадей, прости меня господи, ибо опыт стрельбы из такой дуры имел совсем ничтожный. Млять, это же сколько я уже угробил человек? Прямо жуть берет, а тут еще безвинные коняшки...

Дальше началась такая катавасия, что командовать было уже бесполезно. Густая пальба, рев, ругань, ржание лошадей и болезненные вопли. Уланам оказалось негде развернуться – мешали деревья и ограда из колючих кустов, половина лошадей грохнулась на землю, наткнувшись на натянутые между деревьями веревки, и теперь их спешенных всадников просто убивали всеми доступными методами – даже пытались бить прикладами. Впрочем, бритты тоже сдаваться не собирались и в меру своих сил рубили озверевших добровольцев саблями, палили из карабинов и револьверов. Но, к счастью, не особо результативно... вроде бы.

Находясь немного в сторонке, я методично и совсем безнаказанно палил, теперь уже из «веблея», и даже вполне попадал – в седлах осталось всего трое улан, но исход битвы решил Степан Наумыч. Никогда в жизни не видел казаков в деле – имеются в виду настоящие казаки, а не ряженные клоуны, но когда увидел – впечатлился на всю жизнь. Степка каким-то загадочным образом взлетел на лошадь, попутно выбив улана из седла, а потом зарубил своей трофейной саблей оставшихся двоих кавалеристов. Я даже не понял, как он это сделал, настолько быстро и ловко все случилось.

Однако последнюю точку поставил все-таки ваш покорный слуга. Один из улан, вылетев из седла, отполз на карачках в сторону и заметил... Угадайте, кого он заметил? Заметил Веничку, мать его за ногу, остолопа долбаного, за каким-то хреном выпершегося из-под фургона и застывшего соляным столбом при виде творившегося побоища. Заметил – и решил рубить идиота, ибо револьвер свой, к счастью, выронил. Пришлось спасать паршивца... Застрелил англа, конечно, но так как бритт находился уже в непосредственной близости от студента, все содержимое из британской башки, куда так удачно попала пуля, вцепилось в морду Вениамину. Опять отправив его в глубокий обморок. М#да...

А дальше произошел некоторый парадокс – впрочем, вполне объяснимый. Еще несколько часов назад я наблюдал стадо полностью деморализованных, отчаявшихся людей, даже не помышлявших о каких-то там сражениях. И вот – они превратились в грозных берсеркеров, настоящих чудо-богатырей, свято уверовавших в свою силу. Французский неукротимый гонор и бесстрашие, тевтонский сумрачный гений и свирепость – все вылезло наружу. И к победе их привел – я! Я!!! Стоп-стоп... это я что-то увлекся...

Однако виктория, братцы!!!

Усмотрел некий беспредел в действиях ликовавших добровольцев – они ничтоже сумняшея долбили пленных прикладами – и, пальнув в воздух, истошно заорал:

– Стоять, мать вашу! Пленных связать, раненых в лазарет, трупы обыскать и в кучу, трофеи собрать, коней привязать! Ла Марш, Шнитке! Приведите наконец к повиновению этих швайнехундов. Шнеллер, форвертс, рапиде, выполнять, мать вашу! Посты не забудьте выставить, идиоты!!!

Как ни странно, приказание мгновенно и без лишних вопросов принялись выполнять. Ну и, конечно, никто больше от меня документов не требовал. Даже наоборот, посматривали с тайным обожанием. Загадочная человеческая натура, однако. Ну и на хрена оно мне надо? Сам не знаю. Ладно, прибудем в Блумфонтейн – там все и решится. Пресекая бардак, назначил ответственных, поручил притащить к фургону все трофеи и отправился готовить кофе для Лизхен. Умаялась девчонка до предела, а еще сколько работы впереди – потрепали нас бритты здорово...

Увидев меня, Лизавета Георгиевна внезапно разрыдалась. Очень даже, скажу, натурально...

– Знаете, Мишель, как я испугалась... – Лиза всхлипнула и уткнулась мне в плечо, – очень, очень...

– Ну-ну, Лизхен... – я погладил девушку по голове, – не плачьте, вы на самом деле молодец. Вон сколько людей от смерти спасли. Вот, попейте кофейку, я для вас специально сварил...

– Все равно стра#а-ашно... – Елизавета несколько раз демонстративно хныкнула и взяла кружку. – А когда он на меня с саблей кинулся, так вообще... Спасибо, Веничка на защиту бросился. И вам спасибо, а то бы улан и его срубил...

Я от изумления чуть не выругался. Вот оно как? Веничка бросился? Ах ты...

– Я бы его одной левой! – вдруг буркнул из-под фургона Вениамин, вытиравший свое личико от британских мозгов, и зло зыркнул на меня. – Да вот не дали...

Я хотел ему дать по ушам, но подбежал Адольф.

– Герр гауптман, по вашему приказанию отряд построен! – четко доложил Шнитке. Он принял командование над обоими национальными отрядами – Ла Марш схлопотал пулю в плечо и пока выбыл из строя. Но, к счастью, ненадолго: Лизхен говорит, ничего страшного – просто глубокая царапина.

В очередной раз спросил у себя, за каким хреном я влезаю в эту бодягу, в очередной раз не смог ответить; приказал Вене прихватить коробку с трофейными револьверами и, тихонечко матерясь, поплелся к строю.

Окинул волонтеров взглядом и еще раз убедился, что победа у нас случилась пиррова. В строю стояли всего десять волонтеров. Четырех человек – двух французов и столько же немцев, англй все-таки убили. Еще пять человек тяжело ранены – один из них, скорее всего, до утра не доживет, а остальные, тоже почти все, в разной степени порезанности. Но как бы там ни было, мы все-таки победили...

– Солдаты! – громко, но спокойно сказал я и направился вдоль строя. – Сегодня случился великий день. Великий, потому что сегодня родились на свет солдаты! Настоящие солдаты! Я не побоюсь этого слова! – Дошел до края шеренги и повернул назад. – Битва при Утгере уже вписана в историю этой войны. Но это не последняя наша битва: впереди много крови – крови, которую мы заберем у бриттов. А теперь, в ознаменование победы, я хочу вручить вам личное оружие! Которое вы заслужили своей храбростью. Отряд, сми-р#р-рно!!!

Прошелся вдоль строя и каждому волонтеру пожал руку, а также вручил револьвер. Патетично? Да! Пафосно? Да! Но я видел глаза этих людей: глаза, полные восхищения собой и своим командиром. А это значит – я все сделал правильно. А еще, если получится, я каждому за свой счет именную надпись на рукоятку приделаю. Вот так. И Веничку не забыл – вручил дамскую облезлую пукалку, неизвестно как попавшую к уланам, да еще сломанную, кажется...

Затем, из вредности характера, поорал немного на личный состав – как говорится, указал на ошибки, приказал готовиться к утреннему маршу, пообещал спустить три шкуры с часовых – и отправился допрашивать пленных, которых у нас оказалось аж целых девять человек, и трое из них были довольно серьезно ранены. К счастью, не смертельно. Ранеными занималась Лиза, организовав со своими добровольными помощниками что-то вроде походно-полевого лазарета, а остальные сидели под деревинной, очень смахивающей на баобаб. Связанные, с расквашенными физиономиями, унылые и страшно перепуганные. Кстати, порадовали часовые, при виде меня четко взявшие винтовки на караул. Начинают службу понимать, начинают...

Я присел рядышком, молча поглядел на бриттов, явно не прибавив им мужества, и приказал караульному:

– Солдат, бери вот этого, с нашивками – и за мной.

Бритты совсем приуныли, вообразив, что их товарища тянут на казнь, в лучшем случае – на пытки. Но я как раз беспредельничать не собираюсь – и так на душе грехов хватает,

да и нужды особой нет. Дело в том, что клиенту будет способней душу свою изливать вдали от товарищей. Опять же, ложный героизм и круговая порука очень способствуют общему урону организму пленных, а оно мне совсем не надо.

– Присаживайтесь... – и развязал немолодому британцу руки. – Я капитан Игл. Представьтесь.

– Уорент Джозеф Престон, сэр... – потирая запястья, сообщил англичанин. – Вторая кавалерийская бригада, двенадцатый уланский полк, сэр...

– Кто командир бригады? – Я в упор рассматривал бритта и никак не мог обнаружить в себе хотя бы капельку ненависти к этому немолодому мужчине.

Обычная серая косточка, выше уорента ему никогда не подняться. В чем-то даже симпатичен: глаза умные, взгляд открытый, особого страха не выказывает. Вот что мне с ними делать? Жратвы и так на сутки осталось, а медикаментов вообще кот наплакал.

– Подполковник Бродвуд, сэр...

Я заметил, что уорент колеблется, плеснул в колпачок от фляги немного рому и протянул ему:

– Держите, Престон, и не надо строить из себя героя. Мне от вас особо ничего не надо. И так все знаю. Впрочем...

– Спрашивайте, сэр... – Англичанин выпил ром и согласно кивнул головой. – Только я действительно почти ничего не знаю.

– Как вы оказались так далеко от Кимберли?

Оказалось, что уланов послали разыскивать пропавший разъезд, ранее отправленный на разведку. Да, тот самый, который ваш покорный слуга отправил в страну вечной охоты. Оказывается, у покойного Арчибальда Мак-Мерфи, чей маузер сейчас висел у меня через плечо, отец носил немалый чин в Генеральном штабе, вот командир полка и решил выслужиться. Уланы спокойно проскочили линию фронта, кстати, практически не существующую, затем обнаружили место побоища и пошли по следу за нашим фургоном. Ну а дальше... дальше вы все уже знаете.

Я его еще немного порасспрашивал, в основном сравнивая свои знания с реальностью. Думаю, современные историки многое отдали бы за такую возможность. Впрочем, откуда они здесь возьмутся, историки те, особенно современные?

Все оказалось примерно так, как я и представлял. Вплоть до воистину русского бардака и такой же несогласованности, царившей в британской армии. К примеру, почти все уланы оказались вооружены револьверами «веблей» армейской модели образца 1896 года, что немного противоречило моим данным: уланам вроде бы полагался только карабин – это, конечно, кроме офицеров. Но оказалось все просто: кое-кто из больших армейских чинов, имея паи в оружейных компаниях, пробил госзаказ и предпринял в общем-то хорошее начинание, даже успели несколько кавалерийских частей перевооружить, но потом, как водится, все похерилось из-за отсутствия финансов и просто волокиты. Перевооружение отменили, даже начали назад изымать, но не успели – началась война. А положенные уланам пики они самостоятельно с собой не брали, так как это дреколье оказалось бесполезным – буры напроць отказывались устраивать кавалерийские свалки.

Я еще немного поговорил с пленным и отправил его отдыхать. А остальных даже не стал допрашивать, так как ничего нового не ожидал от них услышать. А потом... потом опять пришлось спасать Вениамина... Да когда же этот день кончится, мать его ети!!!

В лагерь приперся медоед. Да, эта упертая, вздорная и свирепая животина, всем нам хорошо известная по множеству фильмов. Сначала зверюга рыскала в окрестностях, а потом, привлеченная запахом меда, которым вздумал закусывать Веничка, бесстрашно вторглась в лагерь и определила себе Вениамина как личного врага. Нет чтобы добровольно сдаться – так студент взял и пнул животину...

– А#а#а!!! – ревел Веня, дергая ногой с вцепившимся в штанину медоедом.

– А#а#а... Помогите, да помогите же ему!!! – Лизхен лупила палкой по животному, через раз попадая по самому Веничке.

– Да стой же, окоянный, тудуть твою ети!!! – Вокруг них метался Степан и целился в медоеда из револьвера, но никак не мог прицелиться, так как Веня, справедливо опасаясь урона своему здоровью, постоянно сбегал с линии прицела.

А все остальные тупо ржали, даже пленные...

Вот как это называется?

Хотел сначала вырубить студента, а потом уже расправиться со зверюгой, но потом просто взял жестянку с медом и бросил рядом с побоищем. Медоед мгновенно отцепился от врага, утробно урча, подхватил добычу и убрался вон. А я еще придержал Степана, хотевшего его застрелить. Пусть зверек валит отсюда, хватит на сегодня смертей. Опять же, не меня он потрепал, а клятого студента. Вот же позор какой: двое соотечественников – люди как люди, а третий... тьфу ты...

В общем, пока суд да дело, день подошел к концу. Проверил караулы, наскоро обмылся и отправился спать...

– Михаил Александрович, вы меня поохраняете? – застенчиво попросила Лиза, помахивая полотенцем. – Я помыться хочу.

– Я могу! – Высунул свою мордочку из#за фургона Вениамин. Высунул – и, разглядев выражение моего лица, сразу спрятался.

А там его перехватил и утащил с собой Адольф Шнитке, которому я присвоил звание сержанта и отдал распоряжение драть студента в хвост и в гриву. Вообще очень пригодным оказался дойч – для сержанта лучше и не придумаешь. Живенький, как ртуть, педантично исполнительный и, главное, с командным голосом – ревет аки медведь, любо-дорого послушать. Но тоже себе на уме, явно не дурак. По взгляду видно.

– Конечно, Лизхен... – Я встал и поплелся сопровождать Лизавету.

– Мишель, я вами восхищаюсь... – щебетала девушка. Я ее не видел, так как сидел к ней спиной.

– Я вами тоже...

– Правда? На самом деле, я сегодня первый раз сама оперировала, – с гордостью сообщила Лиза. – Мне так страшно было...

– Мне тоже... – честно признался я.

– Вы, пожалуйста, не обижайте Веничку... – вдруг попросила она. – Он такой... такой...

– Какой?

– Беззащитный. Вот какой. Ой!.. – Лиза вдруг взвизгнула и завопила: – Ой, здесь, кажется, змея!!!

– Где? – Я обернулся и едва успел поймать девушку в объятия. – Спокойно; где она?

– Я, кажется, ошиблась... – застенчиво пробормотала Лизавета, закрыла глазки, прижалась ко мне и выпятила губки.

Я внимательно глянул на коварную врачиху и понял – это не более чем искусно разыгранный спектакль. Во-первых, она успела полностью одеться, во-вторых, испуг неубедительный. Ох уж и Лизавета... Вот поцеловал бы тебя, но не буду... из вредности. Как-нибудь потом...

– Вот и ладно... – Я осторожно отстранился и развернул ее по направлению к фургону. – Спокойной ночи, Елизавета Георгиевна. Ложитесь, завтра рано отправляемся. Опять же, вам к раненым, может, придется вставать.

– Вы... вы!.. – Лиза в ярости так и не договорила, кто я. А потом вдруг подскочила и, чмокнув меня в щеку, умчалась в фургон.

Я постоял немного и отправился к Степану, который, спокойно попыхивая трубочкой, при свете керосинового фонаря чистил винтовку.

– Выпьешь? – Я поболтал флягой. – Помянуть убиенных не мешало бы.

– Можно... – не смотря на меня, кивнул парень и ловко загнал затвор в винтовку, – отчего же не помянуть. Все под одним Богом ходим.

Молча, не чокаясь, хлебнули рому. Потом еще раз. Уже уходя спать, я обернулся и сказал:

– А ловок ты, казаче...

Степан мазнул по мне цепким взглядом и ответил, не став отказываться от казачьего звания:

– Ты тоже, вашбродь, умеешь...

Вот и поговорили...

Глава 6

*Оранжевая Республика, притоки реки Утгер
19 февраля 1900 года. 05:00*

С первыми лучами солнышка мы выдвинулись по направлению к Блумфонтейну. Тяжелораненые – в фургоне, которым правил Вениамин, остальные – на лошадях, доставшихся нам в наследство от улан. Хватило даже пленных рассадить: правда, по двое, но все же... Вообще, нам перепали очень впечатляющие трофеи. Древние однозарядки ополченцев перекочевали в фургон и теперь половина волонтеров была вооружена «бурскими маузерами», а остальные – очень неплохими кавалерийскими карабинами «Ли-Метфорд Mk1». Правда, палить из этих коротышек на дальние расстояния – занятие для клинических оптимистов, но, с другой стороны, моим солдатам в самый раз – стрелки из них пока аховые.

Патронов к карабинам оказалось прилично – каждый улан в седельных сумках возил по сотне, да еще по шестьдесят – в патронташах-бандольеро. Конечно, все равно очень мало, но гораздо лучше, чем было раньше. Про револьверы и боезапас к ним я уже говорил. Но больше всего остался доволен тем, что волонтеры переобулись. Отличные ботинки из прочнейшей некрашеной кожи, с пристегивающимися крагами – век не сносишь. А для солдата хорошая обувь – это первое дело. Но не единственное. Форменку уланскую мы трогать не стали: порченная кровью, да и невместно – не поймут свои, но пробковые шлемы все же позаимствовали. Даже не ожидал, что они окажутся такими удобными и легкими. Помимо этого в мешках и седельных сумках нашлось немало полезного добра – плащ-палатки, бельишко, котелки, одеяла и другой не менее полезный в походе солдатский скарб. Так что теперь волонтеры более-менее экипированы. И пылают желанием нахлобучить бриттам по самое не хочу. Даже как-то странно: вроде бы какое дело французам и немцам до маленькой страны, сражающейся с громадной Британской империей? Ан нет, для волонтеров это не развлечение, а вполне такая *идея*. Но ничего, познакомлюсь получше – пойму что к чему.

А я? Я хочу сражаться с бриттами? М#да... Как бы совсем не против, но все равно не оставляю мыслей свалить с этой войны – не моя она, и точка. Да и при всем своем желании я никак не смогу изменить ее ход. А сражаться, заранее зная, что проиграешь... нет, увольте. Соответственно, соглашаюсь командовать только до Блумфонтейна. А там посмотрим. А вообще, с командованием интересно получилось... как-то само по себе...

– Вениамин Львович, а скажите мне, голубчик, какого хрена вы на войну поперлись? – Я подъехал к фургону и решил начать знакомство с личным составом. А точнее, с Вениамином Львовичем Мезенцевым, студентом-химиком Петербургского университета – ныне волонтером-добровольцем. Хреновым, я вам скажу, волонтером.

– А оно вам надо, господин Майкл Игл? – нехотя буркнул паренек и потрянул поводьями. – Поперся да и поперся.

Я подавил желание устроить нагоняй студенту и решил применить к нему свой педагогический талант. Если, конечно, получится: педагог из меня, как из бура – артист разговорного жанра. И вообще, не дело его гонять в хвост и гриву. Народ посматривает, может автоматически сделать бедолагу объектом насмешек. А он парень ершистый, возьмет да и пальнет в кого-нибудь сгоряча. А оно мне надо?

– Отнюдь, Вениамин Львович. Отнюдь... Сами посудите: мы с вами на войне, на которой, как говорится, всякое бывает. Вот придется мне с вами в бой идти, а я и не знаю, чего от вас ждать. Опять же мы с вами оба русские, значит, негоже друг друга сторониться. И я вам вообще-то два... нет – три раза жизнь спас. Так что потрудитесь рассказать. А я, в свою очередь и в меру мне дозволенного, тоже удовлетворю ваше любопытство. Договорились?

От такого серьезного и вполне уважительного тона Веня отмяк лицом и согласно кивнул головой.

– Сражаться поехал, – на лицо Вениамина набежало мечтательное выражение, – с мировым сатрапом!

– Сатрапом?

– А с кем же еще? – с удивлением переспросил Вениамин. – С палачом народов, Британской монархией.

– Монархий много, Вениамин Львович.

– Они – порочные язвы на теле народов! – убежденно заявил Веня и решительно рубанул рукой. – Придет время, и люди сбросят с себя оковы, отбросив предрассудки законов, и станут воистину свободными. Только свобода выбора...

– Анархия? – До меня наконец начал доходить смысл сказанного Вениамином. – Кропоткин. Бакунин, Первый интернационал...

– Петр Алексеевич – святой человек!!! – горячо воскликнул студент и осекся, поняв, что ляпнул лишнее.

– М#да... Вениамин Львович. Под надзором были дома али вообще в ссылке? – Я попробовал угадать и не ошибся. Ох уж эти студенты... Очень благодатная почва для брожения умов. Особенно при таком либеральном к ним отношении со стороны соответствующих органов Российской империи. Да-да, либеральном, не побоюсь этого слова. Их сажали только тогда, когда уже не было другого выхода. А так в основном ограничивались надзором или ссылкой. И то не всегда. В рудники стервецов, на хлеб и воду...

– Под надзором... – совсем ступешевался Вениамин. – А как вы догадались?

– Догадался уж. Ничего ужасного хоть не успели натворить?

– Не успел... – не очень уверенно ответил Веня и шмыгнул носом. – Вовремя сбежал...

– Вы же будущий химик, так ведь? Проведем аналогию... – Я говорил и видел, что Веничка начинает беспокойно ерзать по облучку. – Значит, бомбист? Адские машины готовили, да, батенька? Али не успели?

Выяснилось, что не успел. Студиозусы организовали свое тайное анархистское общество и планировали грохнуть генерал-губернатора Петербурга. Вернее, не грохнуть, а попросту отравить газом. Ну и спалились, конечно, ввиду общей расхлябанности. Но так как дальше планов и глупой болтовни дело не пошло и вследствие того, что у юных балбесов-отравителей оказались влиятельные родители, все закончилось парой месяцев в кутузке и надзором. Но Веня, проникшись *идеями*, решил не останавливаться и сбежал в Африку, подломив родительский сейф с деньгами. Вернее, попросту прожег его какой-то адской смесью. В чем сейчас и раскаивается горячо... М#да... Хотя... а почему бы и нет?..

– Вениамин Львович, а вы сможете разделить нефть на фракции?

Веня даже не стал мне отвечать, пренебрежительно отмахнувшись рукой.

– А вы представляете, что получится, если в легкие фракции добавить каучук или пальмитиновую кислоту?

– Что получится?.. – буркнул сам себе Вениамин. – А получится... – и вдруг лицо его просияло...

– Подумайте над этим, а позже мы поговорим про хлорпикрин... – Я поспешил прекратить разговор, так как увидел, что к нам несется на своей кобылке Лизавета Георгиевна.

– Мишель! – радостно воскликнула девушка, не замечая скривившегося лица Вени. – Хочу охотиться!

– Куда?.. – Мне как раз вспомнилась конструкция простейшей противопехотной мины с терочным запалом и потому не сразу понял, чего от меня хочет Елизавета.

– Охотиться! – повторила Лиза и, как будто ей уже отказали, состроила обиженную рожицу.

– На кого?

– Да на кого угодно, – обидчиво буркнула девушка, не разглядев у меня на лице особого энтузиазма. – Раненым свежий бульон очень полезен. Я вот сама сейчас...

– Я вам дам – «сама»... Только вздумайте... – грозно предупредил я Лизу и осмотрелся.

Личный состав мерно трусит на лошадаках, пленные под надежным присмотром, Степан где-то впереди – самовольно изображает из себя передовой разъезд; Шнитке на месте, Венья тоже сравнительно изолирован. До обитаемых мест еще не меньше суток пути, а вокруг сплошная саванна. Зверье присутствует почти в изобилии...

– А раненых вы обиходили, Елизавета Георгиевна? – поинтересовался я для проформы.

– Следующая перевязка вечером, перевязочный материал подготовлен... – отбарабанила Лиза и застыла в ожидании.

Я молча полюбовался девушкой... Нет, все же ошеломительно хороша Елизавета. Посадка гордая, лошадкой управляет умело, милое личико просто горит азартом, перышки на шляпке развеваются...

– Что?.. – Лиза заметила мой взгляд и неожиданно возмутилась: – Где я вам дамское седло возьму? И вообще, это пережиток. Не занимайтесь самодурством, Мишель...

– Не Мишель, любезная Елизавета Георгиевна, а господин капитан! – Я не смог удержаться, чтобы не приструнить строптивую девчонку. – Марш за своим карабином и патронташ не забудьте.

Ладно, я и сам не против подстрелить какую-нибудь животину – с продуктами у нас не просто плохо, а вообще ужасно. Надо будет предупредить Адольфа и...

– Ура!!! – Лиза, склонившись с седла, вырвала из рук Вени свою винтовку и прищипнула кобылку. Вот же стрекоза...

Для охоты, на самом деле, особо далеко отправляться надобности вовсе не было. То и дело на расстоянии прямого выстрела проскакивали небольшие копытные. Но Лиза рванула к каменистому холму, примерно в паре километров от нас. Пришлось не отставать – ну не кричать же ей вслед? Да и вообще, наездник из меня пока не самый лучший. Так что догнал уже у самой возвышенности...

– Мишель, вы меня научите стрелять? – лукаво спросила девушка, привязала свою кобылку и, поддержав юбку, ловко полезла наверх.

– Мы на охоту собрались, а не на стрельбище... – буркнул я ей вслед. – А карабин ваш кто тащить будет?

– Ой, я забыла...

М#да...

Уже на вершине Лиза выпросила у меня бинокль и долго рассматривала буш, порой восторженно охая. Чему там охать? Буш как буш – стелется по холмам выгоревшая трава, тут и там редкие рожицы и сплошные заросли кустарника. Ну, величественно, конечно. Может, и я бы полюбовался, но голова совершенно другим забита. Черт, это же надо было забыть ингредиенты для нажимного терочного взрывателя? Бертолетова соль, толченое стекло... Стоп...

Я неожиданно приметил, метрах в пятидесяти от нас, пасущуюся в кустах небольшую антилопу и стянул «винчестер» с плеча. Смачно щелкнул рычаг, досылая патрон в патронник. Мушка заплясала в прорези прицела и остановилась чуть повыше лопатки грациозного животного. Затаил дыхание, выбрал спуск...

Над саванной пронесся хлесткий выстрел, испуганно взвизгнула Лиза, а антилопа бешено скакнула вверх, упав в кусты уже безжизненной тушкой. Все...

– Зачем вы меня пугаете?! – гневно выразила недовольство девушка.

– Я охочусь, Елизавета Георгиевна, – и не оглядываясь, стал спускаться с холма. – Собирайтесь...

– Куда? – Лизонькино лицо выражало гневное недоумение.

– За добычей... – Меня неожиданно озарило. – Ну, конечно! Бертолетова соль, толченое стекло и...

– Да вы издеваетесь надо мной!!! – Лиза даже топнула сапожком о землю. – Какое толченое стекло?! Да как вам не стыдно?!

– Мы куда ехали? – Я взял девушку за рукав и потащил к лошадям.

– Охотиться! – в отчаянии закричала Лиза, пытаюсь вырвать у меня свою руку.

– Для чего охотятся?

– Для пропитания...

– Мы уже добыли пропитание. Значит что? – Я наконец отпустил девушку и сунул ей в ладошку повод кобылы. – Значит, охота закончилась.

– Вы бессовестны-ы#ый!!! – Лиза неожиданно села прямо на траву и в буквальном смысле заревела. Да-да, слезы ручьем, всхлипы и прочие, столь ненавистные каждому мужчине проявления извечной женской забавы.

– Ну в чем дело, Лизхен? – Я присел рядышком и попытался заглянуть ей в глаза. – Ну право дело...

– Вы... вы... вы...

– Что я?

– Я... я... я...

– Что вы? – Я взял ее личико в ладони и... и неожиданно поцеловал девушку.

Лиза последний раз всхлипнула, на мгновение замерла, а потом очень неловко и неумело ответила...

Вы знаете... этот, невинный, в чем-то даже целомудренный поцелуй разбудил во мне бурю чувств. Даже не знаю, как сказать... До этого момента я относился к ней, как... В общем, не важно; главное, что я только сейчас окончательно понял: эта девушка мне очень... Да что же такое, прямо мозги оцепенели: двух слов связать не могу...

– Мишель... – Лиза наконец отстранилась и закрыла лицо ладошками. – Миша...

– Лизхен... – Я мягко взял ее ладони в свои. – Лиза...

По идее, я сейчас должен пасть на колени и попросить ее руки. Или у ее родителей? Или... Да откуда мне знать о таинствах, следующих после первого поцелуя? Чай, девятнадцатый век на дворе. Все не так...

Вот и сидели...

Держали друг друга за ручки...

И нам было хорошо...

А потом Лиза спросила, без всякого намека: просто спросила, и все. Даже как-то растерянно:

– Что же нам теперь делать, Миша?

Мне даже не пришлось придумывать, что ей отвечать. Слова сами слетели с губ:

– Нам обязательно надо выжить, Лизонька.

– Но мы же выживем? – Девушка доверчиво заглянула мне в глаза.

– Я все для этого сделаю, – очень серьезно ответил я ей. Прислушался к себе и понял, что за эту девушку, недолго раздумывая, я спалю, к чертям собачьим, всю британскую армию. Так и сказал: – Убью любого, кто встанет на нашем пути.

– Я верю!!! – гордо заявила Лизонька, наградила меня поцелуем в щеку и возжелала продолжить охоту.

В антилопе оказалось не менее тридцати килограммов чистого мяса, более чем достаточно для нас, но пришлось уважить добычу. Через час к нам в трофеи попал небольшой клыкастый кабанчик, очень похожий на всем известного Пумбу. Лизонька метко влепила ему пулю прямо в крестец, а потом, со слезами на глазах, отказалась добивать несчастную живо-

тину. Пришлось дострелить самому. Парадокс, однако: раненых кромсает – любо-дорого посмотреть, а вот кабанчика... Ох уж мне эти барышни...

Дело уже шло к вечеру, мы добрались до небольшой мелкой речушки, никак не отраженной на карте, и стали подле нее на ночевку.

За готовку взялся Ла Марш; оказывается, в Марселе он владел небольшим ресторанчиком.

– Совсем небольшим, – скромно заявил француз и добавил, отчаянно жестикулируя здоровой рукой: – Но лучшим во всей Франции!

Даже так... Спрашивается, а какого черта он делает в Африке?

– Пьер, расскажите мне, как вы оказались здесь? И самое главное – для чего?

Француз объяснил своему помощнику, как отделять мясо от костей, и присел рядом со мной.

– Видите вот этого мальчика, господин капитан? – Пьер ткнул рукой в помощника. – Это Франсуа Дюбуа. Он обычный мелкий воришка и мошенник. Вот тот лысый крепыш с усами, Валери Симон, – булочник из Парижа. Рядом с ним Жозеф Галан – поэт, Александр – бродячий музыкант, Георг – бывший полицейский, со своей темной историей, а Даниэль – парижский буржуа, причем не из самых бедных. Как вы думаете, для чего эти совсем разные люди приехали в эти забытые богом края?

– Честно говоря, не знаю, – пришлось ответить откровенно, так как я действительно терялся в догадках. Лично я сам, по своей воле, никогда бы не поехал. Слишком уж чуждая страна. И идеи чуждые.

– Мы поехали помогать, – обыденно сказал Пьер, – помогать отстаивать свободу. Как только я узнал, что формируется французский отряд, сразу сказал своей Мари: «Девочка моя, с рестораном ты сама справишься, а я – на войну». И знаете, что она мне ответила? Она сказала: «Конечно, езжай, но возвращайся с победой, так как с неудачниками я дела иметь не буду»!!! – Француз громко расхохотался, сразу же схватился за раненое плечо и вдруг зло добавил: – К тому же бриттов бить – это святое дело, от них все беды в этом мире! Ради этого можно даже с колбасниками в один строй стать.

Я даже не нашелся что ему сказать. Жизнерадостный, темпераментный, как все галлы, очень даже симпатичный своей храбростью и постоянным хорошим настроением. А вот взял и совершил очевидную глупость. И продолжает совершать, возведя ее в ранг великой идеи. Странно... может, дело в менталитете людей, изменившемся к моему времени до неузнаваемости? Поэтому я ничего и не понимаю?

В России этого времени, вот прямо сейчас, в каждом кабаке, в каждой гостинице вывешивают сводки из Южной Африки, и народ бурно радуется каждой победе буров. Ну не от великой же ненависти к бриттам?.. Или от нее? Думаю, мне еще успеет открыться эта истина...

Я немного еще поразмышлял и усадил личный состав чистить оружие под присмотром Шнитке. Сам тоже расстелил кусок брезента и занялся маузером. Опять же Лизонькина винтовка со своего дня рождения не чистилась. Как же эта зараза разбирается, ни дна ни покрышки ее конструктору...

– Здоров, вашбродь... – рядом со мной присел Степан. – Тут такое дело...

– С чего ты взял, что я «вашбродь»? – резко перебил я его.

– Ну а кто? – улыбнулся парень. – Для «яво превосходительства» ты годками явно не вышел. – Он при разговоре почему-то старался прятать свой казацкий говор.

– Это точно... – Я наконец собрал маузер и засунул его в кобуру. – Не вышел. Тут возник у меня к тебе один вопрос.

– Какой? – Степан мгновенно насторожился.

– А такой... – Я посмотрел ему прямо в лицо и жестко сказал: – А на хрена ты мне в отряде нужен?

– Это как? – Парень с некоторым превосходством посмотрел мне в глаза. – Нешто лишний ствол не нужен? Вояки-то у тебя аховые...

– Ствол нужен. А ты нет. Собирайся и отваливай. Конь у тебя есть, винтарь с патронами тоже. Провианта чуток прикажу насыпать. Забирай все – и до свидания...

– А если не уйду?.. – с угрозой прошипел Степан.

– Тогда твой труп сожрет зверье... – Я прикурил сигару и демонстративно отвернулся от Степана. – Поспеши, на сборы тебе полчаса даю...

Да, я сознательно спровоцировал конфликт с казаком. Вояка он хоть куда, тут спору нет, возможно, и человек неплохой, но ведет себя слишком независимо, а следовательно – непредсказуемо. И уже люди начинают обращать на это внимание. Вот как сейчас: все чистят оружие, я в том числе, а ему до этого дела нет. Опять же, во время марша самовольно скрылся с глаз и появился только к вечеру. Эту практику надо ломать, чем быстрее, тем лучше. А иначе нехорошие последствия обеспечены. В армии главное – единоначалие и единообразие, этим она и сильна – все, что выбивается из этих основ, надо ликвидировать как можно быстрее.

– А не много ли ты, офицеришка, на себя берешь?.. – процедил пренебрежительно казак. – Сопатку давно не воротили?

М#да... Ну вот как мне быть? Можно тупо пристрелить – оружие от него далеко, вполне успею. Можно приказать другим – выполнят и глазом не моргнут. Другой вопрос – зачем? Опять же родная русская душа. Лишнее оно. Значит... Не хотелось бы, но придется...

– А пошли, попробуешь...

– Ну тады не обессудь... – Степа решительно встал и направился за мной.

Отошли, как бы по нужде, подальше от лагеря, где Степа и попытался мне набить морду. Я, грешным делом, побаивался, что он владеет каким-то загадочным казачьим видом единоборств: сами понимаете, о пластунах легенды ходят, но все оказалось не так сложно. Вернее, сложно, но не запредельно. Ради интереса побегал маленько от хитрых захватов и резких, вполне поставленных ударов, а потом, выбрав момент, просто вырубил его, слегка приложив в висок. Силен и ловок оказался парень, даже немного обучен какому-то интересному стилю, но меня под это дело специальные люди затачивали, так что извини.

– Что дальше? – Я спокойно присел рядом с ним. – Можем еще попробовать, только сразу скажу: вот в этом деле ты мне не соперник, а на саблях я даже не стану пробовать, просто не обучен. Совсем.

Степан помотал головой, а потом угрюмо сказал:

– Ты не наш, не расейский. Так ведь, вашбродь?

– С чего это вдруг?

– Посадка в седле не та! – Степан загнул палец. – Нашим офицерикам, в ихних училищах, так это дело вдалбливают, что потом сроду не переучишь. А ты вроде вообще не учен. В седле, конечно, держишься, но как гражданский шпак.

– Это ты точно подметил, Степа, не учен: не мое это дело, на лошадаках-то гарцевать, – не стал я отказываться. – Давай дальше.

– Говор не наш, – парень загнул еще один палец, – командуешь не по-нашему, воюешь не по-нашему, да и бьешься – тоже не по-нашему... – Степан осторожно потрогал шишку на виске. – И самое главное, нет в тебе гонору и повадок охвицерских. Сильничаешь себя, когда ужосу на этих наводишь.

– Так это все плохо или хорошо?

– С одной стороны, хорошо... – задумался Степан, – а с другой стороны, непонятно...

– Пора, Степа, возвращаться, – я встал на ноги, – еще, не дай бог, хватятся и шум поднимут. Давай договоримся так. Доберемся до города – поступишь как душа подскажет, а пока не ерпенься, пользы от этого никакой. Историю твою я не спрашиваю, захочешь – сам расскажешь, но если надо будет чем помочь – помогу. Про себя могу лишь только одно сказать: я офицер, русский, но не из России. И уж точно не враг тебе. Идет? – Я протянул ему руку и помог встать.

– Идет... – кивнул Степан и добавил: – Ты уж не держи на меня обиды. Просто мне уже вот где сидят офицеришки... – черкнул он себя ребром ладони по горлу и не оборачиваясь пошел в лагерь.

Когда я появился там, Степан уже чистил свою винтовку. Однако опять не со всеми, а отдельно. Ну что же, это на самом деле значит очень многое, учитывая, что оружие у него скорее всего в полном порядке. Перемена в его поведении после нашей беседы не осталась незамеченной: подошел Шнитке и попросился на личный разговор. Да, так и сказал: «Прошу разрешения на личный разговор».

– Герр гауптман...

– Адольф, во внеслужебное время можете ко мне обращаться по имени: Михаэль.

– Герр Михаэль? – переспросил немец.

– Можно просто Михаэль... впрочем, говорите как вам удобней.

Немец кашлянул в кулак и, почему-то смущаясь, сказал:

– Я благодарю вас за помощь с герром Степаном. На самом деле, такое его поведение вызывало достаточно нехорошие разговоры в подразделении. Могу осмелиться дать вам совет...

– Я всегда рад вас выслушать, Адольф, – поощрительно улыбнулся я и дал ему сигару. Шнитке не смог скрыть удовольствия:

– Герр Михаэль, герр Степан – гораздо лучший солдат, чем мы все вместе взятые... за исключением вас, конечно. Было бы неправильно ставить его с нами в один ряд.

– Адольф, в роли сержанта я вижу только вас... – Я не преминул подкинуть дровишек в топку самомнения сержанта.

– Благодарю вас за доверие! – Шнитке четким уставным движением кивнул. – Но я имел в виду немного не это.

– Я понимаю, о чем вы, Адольф. Я ему поручу разведку, во избежание вопросов можете сообщить это личному составу.

– Вы очень проницательны, герр Михаэль, – почтительно склонил голову сержант.

– Я подумаю над этим, Адольф. В свою очередь, хотел у вас поинтересоваться, зачем вы отправились воевать?

– Защищаю свою новую родину, – спокойно ответил немец. – Я проживаю в Йоханнесбурге. В нашем отряде все немцы местные. Кроме Вилли, он приехал к брату, но тоже остался. К тому же я пруссак и всю жизнь мечтал воевать... – и добавил: – Особенно с британцами.

Вот так... и этот не любит бриттов. Тенденция, однако...

Вечер закончился почти привычно. Разве что сегодня перед сном Лизхен возжелала еще чуточку поцеловаться. Но не более.

М#да... а кажется, Веничка жутко ревнует. Скажете, пустяки? Да нет... Ментально неустойчивый, ревнивый студент-анархист, да еще и химик – это страшно...

Глава 7

*Оранжевая Республика. Окрестности реки Моддер
20 февраля 1900 года. 05:00*

Утром проснулся с головой, гудящей как паровоз. Клятый Веничка будил меня четыре раза и с горящими глазами сообщал свои безумные прожекты... Напрочь безумные, едрить его в качель!!! Он собирался отравить цианидом реку Моддер, подразумевая, что все бритты, что под Пардебергом, вдруг возжелают напиться водички и сразу издохнут в мучениях. Потом Вениамин вознамерился построить гиперболоид. Большую линзу, которая отразит вспышку адской смеси – его личного изобретения, и спалит к чертям собачьим наглых интервентов. Правда, он назвал эту установку не гиперболоидом, а поджигательной машиной имени самого себя, но суть от этого не поменялась. Господи, а я всего-то поинтересовался, сможет ли он кое-что приготовить по моему рецепту... Обычные напалм и смесь для терочного запала. И все! Какие, на хрен, поджигательные машины?

Короче, в итоге я его пообещал застрелить, после чего Веня здорово обиделся и заявил, что намерен бороться за Елизавету Георгиевну до самого конца. До чьего конца – не уточнил. Тьфу ты!!!

Но это не все...

Не знаю, что снилось Лизоньке, но сразу после подъема она возомнила, что я собрался от нее отделаться. Мало того, она отправилась за мной к реке и, пока я брился, успела вынести мне все мозги.

– Ты собираешься вернуть меня в санитарный отряд? – Изящный пальчик уткнулся мне в спину. – Говори правду, Мишель!

– Да, собираюсь... – Я зачерпнул ладшкой воды, плеснул себе в лицо и заглянул в походное зеркальце. Вроде нормально побрился... черт ее побери, эту опасную бритву...

– Я так и знала! – Лиза с силой топнула сапожком, расплющив некстати подвернувшуюся ящерку. – Ты хочешь от меня отделаться!

– Неправда. Просто хочу, чтобы ты была в безопасности... – Я вытерся полотенцем и собрал несессер. Господи, чего же так голова гудит?.. Убью клятого студентика...

– Но почему я не могу быть с тобой рядом? – На глаза девушки накатились слезы.

– Потому что я тебя люблю. – Прислушался к себе и еще раз повторил, только уже решительнее: – Да, люблю. И очень переживаю за тебя.

Лиза мгновенно прекратила возмущаться и, немного смущаясь, поинтересовалась:

– Ты сделал мне признание?

– Да, сделал... – Я набросил на себя блузу и застегнул пояс. – Что я еще должен сделать? Возможно, теперь *ты* должна мне что-то сказать? Ты знаешь, мы, американцы...

– А я еще не готова тебе отвечать! – не дослушав меня, своенравно бросила Лиза и, круто развернувшись, потопала в лагерь.

– Какой кошмар, сегодня ночью все сошли с ума... – Я краем глаза заметил какое-то движение на другом берегу реки, густо заросшем кустами, и потянул маузер из кобуры. – Да что за черт...

Больше ничего не успел сказать, так как, разглядев в кустах длинный винтовочный ствол, сразу кинулся на землю. Винтовка немедленно изрыгнула здоровенный сноп пламени, а уже потом уши рванул грохот выстрела. Куда попала пуля, я так и не понял, да и, честно говоря, не хотел понимать, потому что сам уже стрелял по кустам. Добил магазин, вставил новую обойму и осторожно выглянул из-за камня. Завалил, что ли? В кустах ясно различалось чье-то неподвижное тело. Черт, как он в меня не попал? – Тут речушка шириной всего-то метров тридцать...

Позади меня затопали сапоги и встревоженно загомонили волонтеры:

– Капитан, капитан...

– А ну пригнулись, мать вашу... – зашипел я на них. – Шнитке, займите позиции по берегу и держите на прицеле ту сторону. А ты, Наумыч, давай со мной...

Речушка оказалась совсем неглубокой, так что мы даже ног толком не замочили. Зашли с разных сторон, наскоро осмотрели заросли, но, кроме трупа, никого не обнаружили. Загоревший до черноты бородатый мужик неопределенного возраста, грязный как черт, одет в жуткие лохмотья. По облику – типичный бур, а по морде вроде как смахивает на итальянца или еще какую южную национальность. Вооружен однозарядным ружьем древней системы, Снайдера-Энфилда, и длинным тесаком. Но какого хрена?..

– Наумыч, зачем он палил в меня?

– Не знаю... – Степан зачем-то посмотрел в сторону нашего лагеря, вдруг сорвался с места и молча побежал через реку.

Леденя от страшной догадки, я понесся за ним. Как же мы не сообразили: в лагере остались одни пленные с ранеными да Лиза с Веничкой, а этот урод нас просто отвлекал, да сам случайно попал под мою пулю. Господи, хотя бы в лагере остались часовые...

Только обратно перешли реку, как на стоянке хлестнуло несколько выстрелов и раздался женский визг...

Эти тридцать метров я пролетел всего за пару мгновений. Метнулся взглядом и с ликующей радостью обнаружил Лизу невредимой. Девушка сидела на земле и с ужасом смотрела на свой револьверчик. Рядом с ней валялся на земле еще один оборванец, поодаль двое других, а рядом с ними – наши волонтеры – финны, Юкка Пулккинен и Юрген Виртанен, стоявшие часовыми при лошадях и пленных. У Юкки в спине торчал нож, загнанный по самую рукоять, а Юргену распороли живот, и он сейчас умирал в страшных муках. Вот же черт, я даже толком не успел с этими парнями познакомиться...

Возле фургона в горделивой позе застыл Вениамин с винтовкой в руках. Правда, бледный как мел и со следами рвоты на сюртучке. Ерой, твою мать!

Я приказал прочесать окрестности и взял за руки девушку:

– Лизонька, ты цела?

– Да... – ответила девушка, а потом поинтересовалась безжизненным голосом: – Я их убила?

– Ты молодец.

– Лошадок угнать хотели, лихоимцы, – сообщил Степан, перевернув одного из оборванцев. – Я тока одного свалить успел. Остальных вона скубент с Лизаветой порешили...

Чуть позже выяснилось, что Лиза застрелила лишь одного разбойника, второго убил из револьвера Ла Марш, совершенно случайно оставшийся в лагере – у него разболелось раненое плечо. Третьего – Степан, ну а Веня всего лишь подранил четвертого, которого изловили в зарослях волонтеры.

Причина нападения была банальной до безобразия. Старатели – а этот разношерстный сброд оказался обычными дикими старателями, следили за нами со вчерашнего дня с одной-единственной целью: украсть лошадей. Ночью у них ничего не получилось, лагерь на совесть охраняли часовые, да и остальные волонтеры спали рядом с конями. Законно подозревая, что поутру мы тронемся в путь и с возможностью разжиться лошадаками придется окончательно распрощаться, ублюдки решились на авантюру. Другого выхода у них не было, собственные лошади пали, а бросать фургон, груженный инструментами и кое-каким золотишком, было жалко. Да и до Блумфонтейна, куда они направлялись, оставалось около восьмидесяти километров – пешком по бушу особенно не походишь. Вообще не походишь: сожрут звери или кафры завалят.

Я не понимаю: да подойди они к нам по-хорошему и попроси продать лошадей, неужто мы бы им отказали? Так нет, имея в руках золота на просто гигантскую по этим временам сумму примерно в пятнадцать тысяч трансваальских фунтов, они предпочли разбой и смерть. Как? Зачем? Боялись, что мы все отберем? Да, я читал про золотую лихорадку, заставляющую совершать безумства, но... но все равно ничего не понимаю. Порочность природы? Жадность? Да будьте вы прокляты... Как по мне, все это золото не стоит даже одной жизни.

Но это не все. Воспользовавшись суматохой, сбежали все пленные, прихватив с собой пять лошадей. Правда, одного из них все-таки удалось подстрелить – отличился Шнитке.

Правда, утешением нам послужили около тридцати килограммов золотого песка с самородками и бешеная джига извивающегося в петле последнего ублюдка. Кстати, поляка, по имени Кшиштоф...

Золото дружно решили продать в Блумфонтейне, а вырученные деньги разделить. Долго дискутировали, как разделить, но потом решили уподобиться средневековым наемникам. Командир отряда получал две доли, сержанты и доктор – по полторы, всем остальным – по одной, с отделением части на нужды отряда. Я в обсуждении не принимал участия, все решили сами волонтеры, правда, чуть не передрались при этом. Некоторые даже призывали пожертвовать золотишко Оранжевой Республике, на нужды войны. Но, к счастью, им быстро позакрывали рты. Я ни во что не вмешивался, сидел рядом с Лизой и твердо решил как можно быстрее отвалить куда-нибудь подальше. Не из-за себя... Просто я неожиданно понял, что если что-то случится с Лизхен... Словом, вы поняли...

После обеда двинулись в путь и к вечеру форсировали реку Моддер. До Блумфонтейна оставалось всего шестьдесят километров, и к вечеру следующего дня я рассчитывал туда добраться.

Стали на ночевку, и неожиданно выяснилось, что по соседству с большим табором чернокожих. Диких чернокожих – то есть свободных. Жутковатое, я вам скажу зрелище – полторы сотни аборигенов с копьями и прочим дрекольем, удивительно смахивающих на людоедов. Но, к счастью, кафры или, как их еще здесь называют, готтентоты, оказались вполне миролюбивыми созданиями. Их вождь даже немного говорил на африкаанс и пришел к нам дружить.

Читай – торговать...

Своими подданными...

Одеяла хотел...

Но надо по порядку. Миниатюрный старичок с шапкой курчавых седых волос и костью в носу появился из кустов совершенно бесшумно. Его сопровождали четверо молодцев с крашенными белой глиной мордочками и копьями в руках. Все голяком – мешочек для причиндалов не в счет. Надо сказать, что при ближайшем рассмотрении ничего ужасного в них не оказалось. Довольно правильные черты лица, хорошо сложенные, вот только совсем небольшого роста. Но антураж, конечно, впечатляет – в чистом виде каннибалы. Ну-у... такими их в фильмах показывают. Даже показалось, что у кафров подпиленные зубы, но толком я так и не рассмотрел. А еще они нас откровенно побаивались.

– У них должно быть много красивых перышек... – невинно сообщила мне Лиза, – для шляпок... очень красивых. Купи... все... мне...

– Етить-раскубыть... – восхитился Степа. – Ты ба: нигры... а бабы у них есть?

– Герр капитан... – нервно буркнул Шнитке, – это дикие бечуаны, могут быть агрессивными. Следует...

– А девчонки у них вполне ничего#o#o... – мечтательно протянул Ла Марш. – Только отмывать долго надо...

Остальной мой народ разом сбился в кучку и не спускал рук с оружия. В общем, все друг друга боялся, но кафры – больше. Я просто промолчал, подвинул поближе к себе маузер и показал вождю на место перед собой.

Тот едва заметно удивился, нерешительно потоптался, но потом справился и потопал к костру, один из его бодигардов мгновенно подсуетился и подсунул вождю под сиденье какую-то шкурку. Видимо, походный вариант трона.

Дальше вождь совершил непонятную пантомиму – хлопал по земле, прикладывал руку к груди, взывал к небу и что-то бубнил, отчаянно гримасничая. Я, конечно, ничего не понял, но кажется, этот почтенный негр рассказывал мне, насколько ужасно и могущественно его племя, и призвал в свидетели землю, небо и еще кого-то там. Возможно, таких же могущественных предков. Короче, запугивал, старый хрыч. Или даже дань требовал. М#да...

В ответ я молча вытащил из кобуры маузер и положил себе на колени. И знаете – действовало лучше всяких слов. Вождь нервно проследил за моим жестом, судя по всему – он хорошо знал, что такое огнестрельное оружие, и хрипло выдал из себя фразу на африкаанс, которую Лиза сразу перевела, кое-что добавив от себя:

– Он меняться хочет. Не забудь про перья...

Во мне вдруг проснулись замашки предков – прапрадед в свое время весьма успешно барыжничал на севере с аборигенами. Из сумки возникла бутылка с ромом, которой я весьма наглядно поболтал.

– Переведи ему, что по обычаю белых... гм... белых великих вождей, надо сначала выпить огненной воды.

– Нельзя!.. – в один голос зашипели Лиза, Ла Марш и Шнитке. – Буры запрещают спаивать этих. Штраф – триста фунтов.

Степа, наоборот, одобрительно закивал и извлек свою кружку:

– Это ты, Ляксандрыч, правильно удумал. Нигра все равно много не выжрет. Махонький...

Кафр при виде пойла алчно сглотнул и в нетерпении заерзал сиденьем по шкурке.

– Мы немного... – успокоил я народ, – совсем по капельке. Никто и не заметит. Для успеха торговых операций.

Набулькал немного в чашку и передал вождю. Нет, я все понимаю, но почему бы и нет? Во-первых, интересно, а во-вторых, может, действительно что интересное приобретем. Расслабится, закрома откроет. Жить ведь как-то надо? Опять же перья эти...

Кафр мгновенно опрокинул содержимое чашки в глотку, совсем по-русски крикнул и уже с довольной мордой повторил предложение меняться.

– Ну и чего тебе надо?

– Одежда, топоры, ножи и ром... – перевела Лиза. Впрочем, про ром я и сам понял.

– Ну неси, что там у тебя есть...

Бусси, так назвал себя готтентот, властно скомандовал, и очень скоро к нам притащили несколько узлов из шкур и привели с десяток коз. После того как кафры разложили содержимое на земле, Лиза восхищенно пискнула и требовательно дернула меня за рукав. Не знаю, сколько пернатых угробили аборигены, но количество перьев действительно впечатляло. Большие мохнатые, не иначе страусовые; средние и маленькие, всех цветов и оттенков, и даже целиком снятые птичьи шкурки. Но меня особенно привлекли несколько отлично выделанных леопардовых и львиных шкур, а также вполне себе такая внушительная гора слоновьих бивней и рогов носорога. Думаю, достаточно ходовой товар. Особенно в Европе. Добраться бы еще до нее поскорей... Хотя бы до Америки... Помимо этого кафр предложил нам маис, вяленое мясо и еще какие-то коренья, на первый взгляд совершенно незнакомые. Ну и коз тоже. Живых.

Я недолго думал и предложил соратникам:

– Господа, предлагаю выкупить у него все, а в Блумфонтейне реализовать. Подумаем о родственниках на родине. Опять же лишняя монета совсем не мешает. Спихнем ему все, что нам не нужно.

Возражений не последовало – идеи идеями, но и о насущном совсем не вредно иногда задумываться. Шнитке, как самый практичный из нас, сразу отправился собирать «то, что нам не нужно».

Но кафр неожиданно что-то залопотал и очень красноречиво ткнул в наши винтовки.

– Это нет, братец. Про оружие даже не заговаривай, – и я категорично помахал маузером. Мало ли что... еще начнут буров отстреливать. Или самих себя. Дикари же, однако.

Бусси мгновенно приуныл, но не смутился и принялся азартно торговаться со Шнитке. Чуть ли не до хрипа. Не знаю... писатели обычно изображают аборигенов готовыми продать самого себя за цветную стекляшку, но в данном случае оказалось все наоборот. Цены, в отличие от нас, кафр знал преотлично. Пришлось даже еще разок наделить его порцией рома. Но сторговались-таки. За топор, пару лопат, пять одеял, трое подштанников, двуручную пилу и три кавалерийские сабли, с одним штыком. За перышки я отдал бутылку рома и охотничий нож.

Ух... стыдно, конечно: чувствую себя настоящим колонизатором... но, кажется, вождь остался довольным. И Лизавета тоже, а это самое главное. Да и вообще, ничего плохого, кажется, мы не совершили.

– Он еще кое-что хочет показать... – Лиза со счастливым лицом примеряла к шляпке пучок перьев.

Тут вождь удивил. Из кустов, одна за одной, выступили молоденькие и не очень аборигенки. Некоторые даже весьма милovidные.

– О#ля-ля... – присвистнул Ла Марш.

– Етить... – выразился Степан.

– Майн гот... – поддержал его Шнитке.

– Мишель!!! – возмущенно воскликнула Лиза и больно щипнула меня за руку. – Это вообще неслыханно!!! Прекратите это... это... это... – а потом, прихватив мешок с перьями, сбежала в фургон.

М#да... Ох уж эти барышни...

– Он предлагает их на одну ночь, для развлечения... – несколько смущаясь, пояснил Адольф. – И просит за них винтовку с патронами и пять бутылок рома.

– А ты что на это думаешь?

– Гм... – кашлянул Адольф. – Как бы... винтовки им продавать строго запрещено. А с другой стороны, мы уже месяц на фронте...

– А ты, Наумыч, что думаешь?

– А чего тут думать? – очень серьезно ответил Степан. – Надо же кого-то драть... А эти, хоть и черненькие, но вон и цыцьки какие-никакие присутствуют.

– Я не против... – с готовностью сообщил Ла Марш и лихо подкрутил свои усы. – Эти милaшки очень страстные. Я уже пробовал...

– А ты, Веня? – Я пихнул в бок студента.

– Это... это... это эксплуатация женщины!.. – возмущенно зашипел Вениамин и вдруг осекся, уставившись на одну из аборигенок. Таковую милovidную, с торчащими, как козьи рожки, грудками.

– Понятно, ты тоже не против. Только вот рому у нас нет... А вообще, договаривайтесь с ним сами. И это... если что, тащите их куда подальше; увижу баловство в лагере – не обессудьте.

Нет, а как? Не зря во многих армиях для посещения солдатами борделей выделяли специальный день, так как руководство совершенно справедливо понимало, что личная дис-

циплинированность солдатика напрямую зависит от его половой удовлетворенности. Пусть побалуются...

Вождь, поглазев на наше совещание, подумал, что ему собираются отказать, и пустил в дело последний свой козырь. Он открыл передо мной маленькую корзинку с крышкой, в которой поблескивали небольшие мутноватые камешки...

– Едрить твою... – не поверил я своим глазам.

Старикан довольно ощерился, обнажив пеньки зубов, и показал три пальца.

– Еще три? Да хрен с тобой. Получишь, но немного позже.

Я дождался, пока волонтеры разбредутся по кустам, и торжественно вручил вождю оружие и патроны, а в качестве бонуса еще сабли добавил. Владей, будущий Соколиный Глаз...

Нет, Африка – это все-таки благословенная страна. А винтовки? Буду считать себя организатором освободительного движения против колонизаторов. А что? Очень неплохая отмазка. И вообще: какие, на хрен, отмазки – тут алмазов по меньшей мере на... а вот хрен его знает, на сколько каратов. Но точно много.

– Елизавета Георгиевна, ну в чем дело? – Я забрался в фургон и присел рядышком с Лизой.

– А вы, Михаил Александрович, почему не остались с ними? – зло буркнула девушка.

– По одной очень весомой причине. Я вас люблю.

Лиза резко повернулась ко мне и капризно выдала:

– Любите? А почему тогда не целуете?

М#да... Когда мы нацеловались, чуть ли не до опухших губ, Лизонька, отчаянно смущаясь, прошептала мне на ухо:

– Миш, неужели мужчины не могут без этого?

Я немного подумал и честно ответил ей:

– Могут, но недолго. И еще: ты не согласишься, но женщины тоже.

– Что ты такое говоришь? – совсем смутилась Лиза. – Неправда это.

– Правда, Лизхен. Тебе еще очень многое предстоит узнать. Вот смотри.

– Куда, только после свадьбы!!!

М#да... одним словом, тоска-печаль.

Глава 8

*Оранжевая Республика. Окрестности города Блумфонтейн
22 февраля 1900 года. 11:00*

– Господин Игл, прошу вас меня выслушать!.. – страдальчески кривясь, выдавил из себя Веня. – Дело не терпит отлагательства.

– В чем дело, Вениамин Львович? – Я тронул поводья и подъехал к фургону. – Внимательно вас слушаю.

Веня тряхнул нечесаными патлами и выдавил из себя:

– Я должен... Я должен признаться Елизавете Георгиевне в своем грехопадении...

Я чуть не расхохотался. Черт знает что и сверху бантик – иначе не скажешь. Томный юноша со взором горящим. Тьфу ты... Идиот, проще говоря. Я#то думал, что после случки с аборигенками Веничка остепенится, придет в себя, словом, станет нормальным мужчиной... Однако получилось совсем по-другому. Уже вторые сутки изображает из себя павшего ангела, страдает не на шутку, того гляди, и вовсе на себя руки наложит. С одной стороны, мне как-то плевать, а с другой... Нет, надо срочно что-то делать...

– И как вы думаете, она отреагирует на ваше признание?

– Не знаю... – понурился Веня. – Но...

– Что «но»? Что «но», Вениамин Львович? Включите свои мозги наконец. Если вы до сих пор не поняли, то попробую взять на себя смелость объяснить вам. Мужчина отличается от женщины не только внешними половыми признаками...

– А чем еще? – буркнул Веня.

– Мужской сущностью, черт побери!!! – захотелось, для большей доходчивости, постучать по голове Вениамина, но я все же сдержался. – Где ваша решительность? Где ваша гордость? Вы самец, вы повелитель, черт подери!

– О чем вы это беседуете? – рядом с повозкой остановила свою кобылку Лиза. – Опять какие-то мужские тайны?

– Именно так, Елизавета Георгиевна, – строго ответил я ей. – Прошу вас дать нам возможность договорить.

– Больно надо... – фыркнула Лиза и, пришпорив кобылку, умчалась вперед колонны.

– Спасибо, что не выдали... – выдавил из себя Веня.

– Опять двадцать пять... Как вы думаете, чем мужчины привлекают женщин?

– Ну-у... – студент не на шутку задумался, – я даже не знаю... Возможно...

– Своей уверенностью в первую очередь. Зачем женщинам нужны не уверенные в себе размазни? Испокон веков самка была при самце, а не наоборот. Продемонстрируйте силу, уверенность, гордость, ум... хитрость, наконец, и наслаждайтесь победой.

– Но как?! – в буквальном смысле простонал Веня. – Меня никогда не любили девушки...

– Доберемся до города – марш-марш в бордель. Я вас сам туда за руку отведу. И не выпущу, пока не покроете там последнюю шлюху. Понятно? – Я уловил некий ужас в глазах Вениамина и заорал ему в лицо: – Не понял? Немедленно отвечать! Вам понятно?

– Понятно!!! – Веня испуганно отшатнулся. – В публичный дом...

– Да тише ты, дурачок. – Я едва успел прикрыть ему рот. – Вот Лизе об этом знать абсолютно не надо.

– Гм... – согласился Вениамин.

– Вот и хорошо. – Я дождался согласного кивка и тронул с места своего жеребца, – вот и умница. А то недосуг мне тебя уговаривать...

Действительно недосуг. Голова совершенно не тем занята. Вернее – тем, но не Вениамином, это точно. Подъезжаем к Блумфонтейну, едрить его в кочерыжку. С одной стороны, это просто великолепно, а с другой... Как там в романах говорят? Главный герой поставлен судьбою перед выбором. И не только. Отряд я довел, теперь дело за легализацией и спешным маршем куда-нибудь подальше. Для начала в Преторию, с которой Блумфонтейн связывает железная дорога. А из Претории... Впрочем, пока про это рано думать. Слишком много нерешенных задач впереди. Кстати, очень нелегких задач. Лиза, к примеру. Попробуй уговори своенравную девчонку! Не могу же я ей объяснить, что война уже практически проиграна бурами, а русско-голландский отряд через неделю эвакуируется в Кронштадт. Но попробовать стоит. Есть некоторая задумка. Значит, определяю себе первоочередной задачей легализацию, а затем сдам золотишко и алмазы...

– Мишель, о чем ты думаешь? – Лиза, по моему примеру, тоже отстала от колонны.

– О тебе, Лизхен, о тебе. А верней, о нас.

– И что же? – Девушка хитренько улыбнулась. – Наверное, опять разные глупости?

– Почему же глупости? Это совсем не глупости. Вот как ты видишь наше будущее?

– Для начала победим британцев! – Лиза мечтательно улыбнулась. – Потом отправимся в Санкт-Петербург, где объявим моим родителям о своем решении. Папенька добрый, он нас простит...

– Лиз, ты мне веришь?

– Конечно, Миша... – Лиза подъехала ко мне вплотную и подставила губки для поцелуя. – А почему ты спрашиваешь?

– Буры не победят Британскую империю. Никогда... – Я хотел поцеловать Лизу, но не успел.

Девушка неожиданно отстранилась и с возмущением воскликнула:

– Что ты такое говоришь?! Обязательно победят, наше дело правое.

– В этом как раз не сомневаюсь. Но, к сожалению, этого мало. Ты знаешь, что сейчас происходит под Пардебергом? Там окружены главные силы Оранжевой Республики, и максимум через неделю они сдадутся, а дорога на Блумфонтейн открыта.

– Откуда ты знаешь? – с недоверием поинтересовалась Елизавета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.